

Бестселлеры автора изданы более чем в
30 странах мира

КРИСТИНА
• ЛОРЕН •
СЕКСУАЛЬНЫЙ
ДЕРЗКИЙ ПАРЕНЬ

Кристина Лорен
Сексуальный дерзкий парень
Серия «Дерзкие истории», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43668188
Кристина Лорен Сексуальный дерзкий парень:
ISBN 978-5-17-115683-1

Аннотация

Что случится, если вчерашние выпускницы встретят в Вегасе горячих парней?

Можно найти веселого красивого парня – и только на одну ночь. Но с Ним все выходит совсем по-другому...

После кутежа в Вегасе Миа Холланд должна думать о будущем – искать работу, жилье, решать важные вопросы. Но что-то ее не отпускает, в смятении девушка решается на дерзкий, не свойственный ей поступок – следуя сердечному порыву, летит за новым знакомым, Анселем Гийомом, на все лето во Францию... в поисках своей судьбы.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 4	69
Глава 5	93
Глава 6	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Кристина Лорен Сексуальный дерзкий парень

Christina Lauren
SWEET FILTHY BOY

Серия «Дерзкие истории»

Печатается с разрешения Gallery Books, a Division of Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского Марины Тогобецкой
Оформление обложки Екатерины Елькиной

© Christina Lauren, 2014

© Тогобецкая М., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*К. и Р. за то, что поехали с нами в Париж и
позволили нам привезти его домой.*

Глава 1

Миа

День официального окончания колледжа сильно отличается от того, что обычно показывают в кино. Я подбрасываю в воздух свою академическую шапочку, а она, падая, ударяет кого-то по макушке. Налетевший порыв ветра уносит записи основного выступающего, и он импровизирует, произнося совершенно не вдохновляющую речь о том, что ошибки – строительные блоки для светлого будущего, и подытоживает все это неловкими историями о своем последнем разводе. В фильмах не кажется, что кто-то из выпускников, укутанных в синтетические мантии, вот-вот помрет от теплового удара... И я бы заплатила кучу денег тому, кто сжег бы все сегодняшние фотографии.

Но несмотря ни на что, этот день все еще идеален.

Потому что, черт возьми, мы сделали это!

Выйдя после обеда из ресторана, Лорелея, или Лола, как называют ее только самые близкие, вынимает из сумочки ключи и трясет ими перед моим лицом, радостно пританцовывая плечами. Отец целует ее в лоб, изо всех сил пытаюсь скрыть заплаканные глаза. Семья Харлоу окружает ее, обнимаясь и заново переживая Десять Главных Моментов церемонии, начиная с того, как Харлоу поднялась на сцену, и за-

канчивая вручением диплома. Потом они притягивают меня к себе и проделывают то же самое с моими пятнадцатью сестрами славы.

Когда они меня отпускают, я улыбаюсь, наблюдая, как они завершают свои милые, знакомые мне ритуалы:

– *Позвони мне, как доберешься.*

– *Пользуйся кредиткой, Харлоу. Нет, «Американ Экспресс». Все хорошо, милая, это подарок тебе на выпускной.*

– *Я люблю тебя, Лола. Осторожнее за рулем.*

Мы сбрасываем наконец свои душные мантии, прыгаем в Лолин старый битый «Шевроле» и сбегает из Сан-Диего, оставляя за собой облако выхлопных газов и оглушительного свиста, навстречу музыке, выпивке и всему тому безумию, которое ожидает нас в эти выходные.

Харлоу включает плейлист, который записала специально для этой поездки: Бритни Спирс – со времен первого концерта, на который мы ходили, когда нам было по восемь лет. Совершенно непристойная песня «Фифти Сент», которую наш класс каким-то неведомым образом умудрился сделать центральной музыкальной темой вечера встречи выпускников. Баллада от длинноволосых рокеров из хэви-метал группы – Лола клянется, что это лучшая секс-песня на свете. И еще около пятидесяти композиций, из которых складывается наша общая история. Харлоу увеличивает громкость, чтобы мы могли горланить в духоту и жару из всех четырех открытых окон.

Лола убирает волосы с шеи и протягивает мне резинку, чтобы я ей помогла завязать их в хвост на затылке.

– Боже, почему так печет? – кричит она с водительского сиденья.

– Потому что мы мчимся по пустыне со скоростью шестьдесят пять миль в час на «Шевроле» конца восьмидесятых годов без кондиционера! – отвечает Харлоу, обмахиваясь как веером программкой церемонии вручения дипломов. – Напомни-ка мне, почему мы не взяли мою машину?

– Потому что она воняет солнцезащитным лосьоном и случайными связями? – подаю голос я и вскрикиваю, когда она кидается на меня с переднего сиденья.

– Мы взяли мою машину, – напоминает Лола, убавляя звук динамиков, из которых играет Эминем, – потому что ты чуть не обернула свою вокруг телефонного столба, пытаюсь согнать жука с сиденья. Так что я не очень-то доверяю твоей манере водить.

– Это был паук, – возражает Харлоу. – И огромный. С клешнями.

– Паук с клешнями?

– Я могла погибнуть, Лола.

– Еще как могла. В автомобильной катастрофе.

Как только я заканчиваю возиться с волосами Лолы, я возвращаюсь на свое место и чувствую, что впервые за последние несколько недель могу расслабиться, и смеюсь вместе с двумя лучшими и самыми моими любимыми людьми на све-

те. Жара высосала из меня всю энергию до последней капли, но как же хорошо вот так ехать, с закрытыми глазами таить в кресле, чувствовать, как ветер путает волосы... музыка орет так, что я даже думать не могу. Впереди три блаженные недели лета, до того как я уеду на другой конец страны, и впервые в жизни мне совершенно ничего не надо делать!

– Так мило, что твоя семья осталась на обед, – произносит Лола своим особенным, ровным, осторожным тоном, поймав мой взгляд в зеркале заднего вида.

– А. – Я пожимаю плечами и роюсь в сумочке в поисках жвачки или конфеты, да чего угодно, лишь бы оттянуть время, чтобы не пришлось оправдываться за ранний отъезд родителей.

Харлоу поворачивается и смотрит на меня.

– Я думала, они собирались пообедать вместе со всеми.

– Полагаю, что нет, – отвечаю я коротко.

Не отстегивая ремень безопасности, она полностью разворачивается ко мне:

– Ладно. А что сказал Дэвид до того, как они уехали?

Я моргаю, глядя на бегущую за окном плоскую равнину. Харлоу никогда бы не пришло в голову назвать своего отца, или даже отца Лолы, по имени. Но сколько я ее помню, мой отец для нее всегда был просто «Дэвид», причем произносила она это с максимально возможным презрением.

– Он сказал, что... гордится мной и любит меня. И он сожалеет, что редко говорил это мне. – По ответному молча-

нию я понимаю, что она удивлена. Харлоу молчит только в двух случаях: когда удивляется или злится. – И, – добавляю я, хотя и понимаю, что стоило бы заткнуться, – что теперь я могу построить настоящую карьеру и принести пользу обществу.

А про себя думаю: «Миа, не буди лихо!»

– Господи Иисусе, – произносит она. – Похоже, он любит ударить побольнее. Что подтверждает, что он полный придурок.

Нам всем смешно, и мы, кажется, решаем закрыть эту тему, потому что, ну правда, что тут еще скажешь? Мой отец действительно та еще задница, и даже если я руководствуюсь его мнением при решении жизненно важных вопросов, это ничего не меняет.

Дорога свободна, и вот уже перед нами из плоской земли вырастает город – запутанные линии огней, ослепительно сверкающих в лучах заходящего солнца. С каждой милей воздух становится холоднее, и я чувствую, как энергия возвращается в машину, когда Харлоу выпрямляется и включает новый плейлист, предназначенный для финального этапа нашего путешествия. Я покачиваюсь, танцую и подпевая запоминающейся басовой мелодии популярной песни.

– Мои девочки готовы уйти в отрыв? – спрашивает Харлоу, опуская козырек от солнца и подкрашивая губы, глядя на свое отражение в крошечном треснувшем зеркальце.

– Нет. – Машина Лолы вливается на Ист-Фламинго-роуд,

сразу за которой блестящим ковром расстилается Стрип, залитая огнями и полная гудящих машин. – А что насчет тебя? Ладно, я буду делать ужасные фото и танцевать с подвыпившими мужиками!

Я киваю, обхватываю Харлоу сзади и делаю вид, что хочу ее придушить. Она притворяется, что задыхается, но кладет руки поверх моих, так что я не могу пошевелиться. Никто лучше Харлоу не умеет так неубедительно отвергать объяснения.

– Я люблю вас, психи! – и хотя для других мои слова потонули бы в шуме ветра и уличной пыли, летящей в окна машины, Харлоу целует мою руку, а Лола смотрит на меня с улыбкой. Они как будто запрограммированы не обращать внимания на мои длинные паузы и выуживать звук моего голоса из любого хаоса.

– Миа, ты должна мне кое-что пообещать, – говорит Лола. – Ты меня слушаешь?

– Ну ты же не хочешь, чтобы я сбежала и стала танцовщицей, правда?

– К сожалению, нет.

Мы планировали эту поездку несколько месяцев – это последний рывок перед началом ответственной взрослой жизни. И я готова ко всему, что она для меня приготовила. Я вытягиваю шею, делаю глубокий вздох и притворяюсь, будто сжимаю кулаки:

– Жаль. Из меня могла бы получиться первоклассная

стриптизерша! Вам и не снилось! Ну да ладно, давай, добей меня.

– Сегодня, пожалуйста, оставь все в Сан-Диего, ладно? – говорит она. – Не думай ни о своем отце, ни о том, с кем из своих фанаток Люк трахается в эти выходные.

При упоминании о моем бывшем желудок слегка сжимается, хотя мы мирно расстались почти два года назад. Просто Люк был моим первым мужчиной, а я его первой женщиной, и мы учились всему вместе. Так что по-хорошему мне приписывается приличный процент от всех его нынешних сердечных побед.

Лола продолжает:

– Не думай о переезде в Бостон. Вообще ни о чем не думай! Мы наконец-то закончили колледж, колледж, Миа! Мы сделали это! Просто сложи все свои сомнения в воображаемую коробочку и засунь ее под воображаемую кровать.

– А мне нравятся такие разговоры про засунуть и кровать! – оживляется Харлоу.

В любых других обстоятельствах я бы рассмеялась. Но ненароком упомянув Бостон, Лола тут же уничтожила мой маленький внутренний островок спокойствия. Все мои предыдущие переживания показались ничтожными – и то, что мой отец рано покинул самую главную церемонию в моей жизни, и очередная шлюха Люка. При мысли о будущем меня захлестывает паника, и теперь, когда колледж позади, я не могу ее больше игнорировать. Каждый раз, когда я ду-

маю о том, что будет дальше, мой желудок выворачивается наизнанку, жжется и горит. Это чувство так часто накатывало на меня в эти дни, что, кажется, я должна его уже как-то назвать.

Через три недели я уезжаю учиться в самую престижную бизнес-школу в Бостоне, и это невозможно далеко от моей мечты детства. У меня еще будет куча времени, чтобы найти жилье и работу, которая покроет все мои счета и полный курс занятий осенью, когда я наконец поступлю так, как хотел мой отец, – вольюсь в поток бизнес-типов, которые делают всякие бизнес-штуки. К счастью, он даже платит за мою квартиру. «Две спальни, – великодушно настаивал он. – Чтобы мы с мамой и мальчики могли тебя навещать».

– Миа? – окликает меня Лола.

– Ладно, – говорю я и киваю, а сама думаю, когда же я, единственная из нас троих, успела обзавестись таким увесистым багажом.

Отец Лолы – ветеран войны. А родители Харлоу – это Голливуд. Я же просто девочка из Ла-Хойя¹, которая когда-то танцевала.

– Я засовываю все это под воображаемую кровать.

Слова, произнесенные вслух, обретают вес и смысл.

– Засовываю их в коробку с этими жуткими секс-игрушками Харлоу.

Харлоу шлет мне нахальный поцелуй, а Лола решительно

¹ Северо-западный район Сан-Диего (прим. ред.).

кивает.

Лола знает о стрессе и об ответственности побольше нашего, но если она может отложить это все на выходные, то и я тоже смогу.

Мы подъезжаем к отелю и вываливаемся с Лолой из машины наперевес с нашими простыми тряпочными сумками. Выглядим мы при этом так, словно только что выбрались из пыльной бури. Я чувствую себя ужасно грязной. И только Харлоу величественно покидает «Шевроле», будто это сверкающая черная городская машина, и выкатывает за собой на удивление блестящий чемодан на колесиках.

Наверху мы все теряем дар речи, даже Харлоу (очевидно, это тот случай, когда молчание означает удивление). На этаже всего пара номеров, и наш скарп люкс просто огромный.

Отец Харлоу, большая шишка в киноиндустрии, снял нам его в качестве подарка на выпускной. Мы думали, что у нас будет стандартный номер в отеле Вегаса, с бесплатными шампунями и оплаченным мини-баром, который мы выпотрошим, если слетим с катушек. Всем «Сникерсы» и водку!

Но такого мы не ожидали. В прихожей (здесь есть прихожая!) рядом с роскошной фруктовой корзиной и приветственной бутылкой шампанского лежит записка. В ней говорится, что в нашем распоряжении дворецкий, что массажиста мы можем вызвать в номер, когда захотим, а также что отец Харлоу счастлив оплатить все наши капризы. Если бы

Александр Вега не был счастливым семьянином и отцом моей лучшей подруги, я бы точно предложила ему секс в благодарность за его щедрость.

Напомните не говорить об этом Харлоу.

Я выросла на сцене, притворяясь кем-то перед сотнями зрителей, при этом на мне едва ли было что-то надето. Так что я чувствую себя комфортно в одном из тех платьев, которые выбрала для нас Харлоу, даже несмотря на длинный, неровный шрам на ноге. Чего не скажешь о Лоле. Свое она даже мерить отказывается.

– Это подарок на выпускной! – говорит Харлоу. – Что бы ты почувствовала, если бы я вернула тебе дневник, который ты мне подарила?

Лола смеется и бросает в нее подушку через всю комнату:

– Если бы я потребовала, чтобы ты повыдирала из него странички и сделала из них платье, едва прикрывающее задницу, тогда да, ты могла бы с чистой совестью отказаться от такого подарка!

Я одергиваю платье, мысленно соглашаясь с Лолой. Все же лучше бы оно было подлиннее. Я редко так откровенно показываю бедра.

– Миа свое надела, – возражает Харлоу, а я постанываю.

– Миа выросла в трико, к тому же она такая миниатюрная и сложена как газель, – рассуждает Лола. – Еще я уверена: если присмотрюсь повнимательнее, то увижу ее вагину! А я

на пять сантиметров ее выше, так что в этом платье видны мои родовые пути!

– Ты такая упрямая!

– А ты такая распутная!

Стоя у окна и наблюдая за спешащими по Стрипу прохожими, я слушаю их споры. С высоты нашего сорок пятого этажа люди кажутся маленькими цветными точками. Не понимаю, зачем Лола сопротивляется. Мы все знаем, что она наденет его – это вопрос времени, потому что Харлоу – это огромная заноза в заднице и она всегда добивается своего. Может показаться странным, но мне всегда это в ней нравилось – она знает, чего хочет, и добивается этого. Лола во многом такая же, но она действует тоньше, чем прямолинейная Харлоу.

Лола стонет, но, как и предполагалось, наконец соглашается. Она достаточно умна, чтобы понимать, что все равно проиграет эту битву. Всего пара минут – она уже в платье и туфлях – и мы спускаемся вниз.

* * *

ЭТО БЫЛ ДОЛГИЙ ДЕНЬ. Мы закончили колледж, смыли пыль и тревоги с наших тел, и Харлоу заказала любимые шоты – она обожает смотреть, как все остальные их пьют. Поэтому к половине десятого я решаю, что мы уже достаточно пьяны: говорим уже с трудом, но сами идти еще можем.

Не помню, когда я видела в последний раз, чтобы Лола и Харлоу так смеялись. Лола положила голову на скрещенные на столе руки, плечи трясутся от хохота. Харлоу запрокинула голову, и ее хихиканье проносится над музыкой и шумом бара.

И когда ее голова вот так откинута назад, я ловлю мужской взгляд с противоположного конца переполненного зала. В темном баре трудно разобрать черты, но он на пару лет старше нас и высокий, со светло-каштановыми волосами и темными бровями над светлыми искорками глаз. Он смотрит на нас и улыбается так, будто оценивает наше веселье со стороны, не собираясь к нему присоединяться. Рядом с ним двое других парней болтают и указывают ему на что-то в дальнем углу. Но когда наши взгляды встречаются, он не отводит глаза. Во всяком случае, его улыбка становится шире.

И я тоже не могу оторваться. Это сбивает меня с толку, потому что, вообще-то, когда дело касается незнакомцев, я отлично умею отводить глаза.

Сердце колотится в груди, напоминая, что надо бы быть поскромнее и лучше сосредоточиться на своем бокале. Контакт глазами – это не мое. С разговорами у меня тоже не клеится. На самом деле единственные мышцы, которые я не прокачала, это те, которые отвечают за непринужденную беседу.

Но по какой-то непонятной причине, будем считать, что всему виной алкоголь, я смотрю на того красавчика на том

конце бара и просто говорю ему: «Привет!»

Он отвечает и закусывает кончик нижней губы, боже, ему надо делать так со всеми, кто ему встречается каждый день, всю жизнь. У него ямочки, и я убеждаю себя, что это просто игра света и тени, потому что, черта с два, не может быть такая простая вещь такой восхитительной!

Я чувствую что-то странное внутри. Наверное, это имеют в виду, когда говорят: «Я растаяла!», потому что я определенно потекла. Я отчетливо ощущаю характерный трепет внизу живота, о господи, если у него такая улыбка, то какой же у него...

Харлоу хватается меня за руку, не дав закончить мысль, и выдергивает в толпу тел, покачивающихся и извивающихся в ритме секса, взрывающего колонки.

Этот парень вне моей зоны комфорта, так что я заталкиваю свое желание в ту самую воображаемую коробку под воображаемую кровать вместе со всем остальным скарбом.

* * *

МЫ ДОЛЖНЫ ОТОРВАТЬСЯ В ВЕГАСЕ! После танцев и бесчисленных коктейлей мы заваливаемся в номер к полуночи, вымотанные церемонией открытия на палящем солнце, дорогой по жаре и алкоголем, который ворвался в наши желудки без нормальной закуски.

Несмотря на то что места в нашем номере больше, чем

нужно, и при том еще две спальни, мы сваливаемся в одну кровать. Лола и Харлоу вырубаются через пару минут, и вот уже задребезжало знакомое бормотание Харлоу во сне. Лола почти неподвижна и не издает ни звука. Она так закутывается в одеяло, что когда мы были моложе, я гадала, не исчезнет ли она в матрасе к утру. Временами я на самом деле проверяю ее пульс.

Но в соседнем номере – шумная вечеринка.

От тяжелых басов люстра над моей головой ходит ходунком. Мужские голоса с грохотом раскатываются по пустому пространству между комнатами; они горланят и смеются, и все это сливается в маленькую какофонию возгласов и типичных мужских звучаний. На расстоянии от меня в стену явно ударяется мяч, и хотя во всей этой мешанине я могу различить несколько отдельных голосов, они так шумят, что, кажется, весь номер забит пьяными парнями, которые вырвались на выходные в Лас-Вегас.

В два часа ночи все то же самое: я уставилась в потолок, зависнув где-то между сном и бодрствованием. Пробивает три. Я так зла, что готова обломать всем веселье, лишь бы мне дали поспать пару часов перед утренним СПА.

Я тихонечко выскальзываю из кровати, чтобы никого не разбудить, а потом смеюсь над абсурдностью ситуации: если мои подруги могут спать при этом шуме, то вряд ли они услышат, как я иду по ковру, беру ключи от номера и закрываю за собой дверь.

Я стучу кулаком в дверь и жду, а грудь при этом распирает от злости. Шум не затихает, и я не уверена, что смогу до них достучаться. Но я пробую снова уже двумя кулаками. Конечно, не хочется быть одной из тех, кто даже в Вегасе жалуется на шумных тусовщиков, но я уже готова звонить охране.

На этот раз музыка вырубается, и слышно, как кто-то шлепает по полу босиком и останавливается напротив двери.

Наверное, я ожидаю увидеть одного из этих стареющих бледных жалких офисных зануд из трастового фонда, группу пожилых банкиров, которые приезжают на выходные, чтобы пуститься во все тяжкие, или кучу ботанов, опрокидывающих шоты из пупка стриптизерши. Но я точно не думала, что это будет ОН, тот парень из бара.

Я не предполагала, что он окажется с голым торсом, в черных трусах, спущенных так низко на его загорелом животе, что я вижу мягкую полоску волос ниже.

Я не надеялась, что он улыбнется, увидев меня.

И менее всего я ожидала, что он скажет:

– Я тебя знаю.

– А вот и нет, – отвечаю я очень четко, чуть затаив дыхание.

Вообще-то я теперь уже никогда не заикаюсь при разговоре с друзьями или членами семьи и очень редко – с незнакомцами, с которыми чувствую себя уверенно. Но сейчас мое лицо пылает, руки и ноги покрылись мурашками, поэтому я

понятия не имею, что мне делать с заиканием.

Он улыбается шире, хотя это вряд ли возможно, на щеках появляется румянец, ямочка приковывает все мое внимание, – он распахивает дверь и выходит ко мне.

И выглядит он еще лучше, чем там, в баре. Он такой реальный, заполняет собой весь дверной проем. И его присутствие так ощутимо, что я отшатываюсь назад, будто меня толкнули. Он игриво изучает меня, но при этом держится так естественно и так ослепительно улыбается, наклоняясь ближе.

Я выступала на сцене, я видела, как работает это волшебство. Он может выглядеть как обычный человек, но в нем есть нечто неуловимое, что-то, что заставляет всех смотреть на него, не отрываясь, даже если он играет какую-то совсем крошечную роль. Это даже больше, чем обаяние, – это магнетизм, которому нельзя научиться или как-то натренировать. И я всего в двух шагах от него... У меня нет шансов.

– Я знаю тебя, – повторяет он и слегка наклоняет голову. – Мы уже встречались. Только еще не представились друг другу.

Я пытаюсь понять, что у него за акцент, и вдруг меня осеняет: он француз. Этот засранец француз. Хотя явно разбавленный. Акцент мягкий, слабый. Вместо того чтобы скручивать слова вместе, он разделяет их и тщательно произносит каждое.

Я сужаю глаза, стараясь сфокусироваться на его лице. Это

непросто. У него гладкий и загорелый торс и самые совершенные соски, какие я видела в жизни, такие маленькие и ровные, отличные мышцы... И он такой высокий, что на нем хочется скакать, как на жеребце. Я чувствую тепло его кожи. И в довершение ко всему он еще и голый, не считая нижнего белья, но его это, похоже, нисколько не смущает.

– Вы, ребята, невероятно громкие, – говорю я, вспомнив, что меня сюда привело. – Кажется, ты мне намного больше нравился в переполненном баре, чем здесь.

– Но ведь лицом к лицу намного лучше, правда? – От его голоса у меня мурашки по рукам. Я не отвечаю, он поворачивается, смотрит назад через плечо и снова оборачивается ко мне. – Я прошу прощения за шум. Это Финн виноват. Он канадец, уверен, ты поймешь, он просто дикарь. А Оливер – австралиец. И тоже ужасно нецивилизованный.

– Канадец, австралиец и француз устроили дебош в гостиничном номере? – спрашиваю я, с трудом сдерживая улыбку. И пытаюсь вспомнить, что можно и чего нельзя делать, когда попадаешь в зыбучие пески: потому что именно в них я и попала. Я тону, меня засасывает нечто огромное, чему я не могу противостоять.

– Как в анекдоте, – соглашается он, кивая. Его зеленые глаза искрятся, и он прав: лицом к лицу на самом деле бесконечно лучше, чем через стенку и даже чем через темный, полный народу зал. – Давай присоединяйся!

Ничто никогда не звучало так опасно и так соблазнитель-

но одновременно. Его взгляд падает на мои губы, задерживается на них, а потом скользит ниже, изучая мое тело. Несмотря на то, что он только что предложил, он шагает в коридор и дверь захлопывается за ним. Теперь есть только он и я, и его обнаженная грудь, и... ох, сильные ноги и вероятность умопомрачительного спонтанного секса в коридоре.

Стоп. Что?!!

Я вдруг вспоминаю, что стою в коротеньких пижамных шортах и обтягивающем топе с нарисованными свинками. Внезапно свет в коридоре кажется мне слишком ярким, я чувствую, как пальцы инстинктивно тянут ткань вниз, пытаясь прикрыть шрам. С моим телом все в порядке – я же женщина, поэтому, естественно, всегда найдутся какие-нибудь мелочи, которые я бы хотела поправить. Но шрам – это другое. Дело не в том, как он выглядит, хотя, честно говоря, Харлоу до сих пор всякий раз сочувственно морщится, когда видит его. Дело в том, что он значит для меня: это потеря стипендии в Балетной школе Джоффри, смерть моей мечты.

Но то, как этот парень смотрит на меня, заставляет меня чувствовать себя голой, по-хорошему голой, и мои соски твердеют под хлопковой тканью пижамного топа.

Он замечает это и подходит ближе, так что я чувствую его тепло и запах мыла. В этот момент я уверена, что он смотрит явно не на мою ногу. Кажется, он даже не замечает мой шрам. Или, если даже он его видит, ему просто нравится, что мне хватает выдержки не скрывать его. Это *травма*, это

боль. Но его озорные глаза говорят только «да» и «*пожалуйста*». А еще они говорят, что он хотел бы увидеть больше.

Скромная и стеснительная девочка внутри меня прикрывает руками грудь и пытается вернуться в безопасное пространство моего номера. Но его взгляд удерживает меня на месте.

– Я не был уверен, что увижу тебя снова. – Его голос становится хриплым, намекая на все те непристойности, которые он мог бы рычать, уткнувшись в мою шею (ах, как бы я этого хотела!). Мой пульс стучит как безумный барабан. Интересно, замечает ли он это. – Я искал тебя.

Он искал меня.

Странно, что мой голос не дрожит, когда я говорю:

– Мы ушли вскоре после того, как я тебя увидела.

Он облизывается и смотрит на мои губы.

– Почему бы тебе не войти... внутрь?

Так много невысказанных обещаний прячется в этих шести словах. Как будто незнакомец предлагает мне самую вкусную конфету на свете.

– Я иду спать. – Наконец мне удастся его остановить, выставив вперед руку. – А вы, парни, давайте-ка потише, а то я пришлю к вам Харлоу. И если это не сработает, то разбужу Лолу, и тогда вы будете благодарить ее за то, что она вас не убила, а только покалечила и оставила истекать кровью.

Он смеется:

– Ты мне и правда нравишься.

– Спокойной ночи.

Я разворачиваюсь на ватных ногах, чтобы вернуться в свою комнату.

– Я Ансель.

Я игнорирую его и вставляю ключ в замок.

– Подожди! Я просто хочу узнать твое имя!

Я смотрю через плечо. Он все еще улыбается. Seriously, у мальчишки в третьем классе была ямочка, но она меня не волновала. А *этому* парню нужно носить предупреждающую табличку.

– Заткнитесь, и я скажу тебе завтра.

Он делает шаг вперед, становится босыми ступнями на ковер, провожает меня взглядом и говорит:

– Значит, у нас свидание?

– Нет.

– И ты на самом деле не скажешь мне, как тебя зовут? Пожалуйста!

– Завтра.

– Тогда я буду просто звать тебя Сериз.

Я выкрикиваю:

– Согласна! – и скрываюсь в номере. Насколько я понимаю, он меня только что назвал психованной или недотрогой.

Однако то, как он промурлыкал эти два слога, заставляет меня подумать, что это что-то совершенно иное.

Когда я снова забираюсь в постель, я лезу в телефон. Се-

риз значит «вишня». Ну конечно. Я не знаю, что об этом думать, что-то мне подсказывает, что он не цвет моего лака для ногтей имел в виду.

Девочки спят, а я нет. Несмотря на то что шум прекратился и наш номер погрузился в тишину и покой, мне жарко, я покраснелась. Ах, если бы у меня хватило смелости остаться в коридоре чуточку дольше...

Глава 2

ХАРЛОУ ЗАКАЗЫВАЕТ КАРТОШКУ ФРИ, а до этого опрокидывает шот в бокал с пивом и опустошает его.

Она вытирает рот рукой и оглядывается на меня. Должно быть я замолчала, потому что она спрашивает:

– Что? Я же шикарна, да?

Я пожимаю плечами, помешивая соломинкой лед в бокале.

После утреннего массажа и косметолога мы провели день в бассейне, попивая коктейли, так что сейчас мы уже немного навеселе. Кроме того, даже после пива с шотом Харлоу выглядит роскошно. Она могла бы прыгнуть в бассейн с пластиковыми шариками на игровой площадке «Макдоналдса», и вынырнула бы оттуда свежей.

– Зачем волноваться? – спрашиваю я. – У нас впереди вся жизнь, чтобы вести себя разумно, но только одни выходные в Вегасе.

Она слушает меня и задумывается, прежде чем твердо кивнуть и указать на бармена:

– Мне еще два шота и вот тот же ужас, что у нее.

Она показывает на Лолу, которая слизывает взбитые сливки с края отвратительного светящегося бокала.

Он хмурится, затем качает головой и говорит:

– На подходе два шота с виски и одна «Шлюха на батуте».

Харлоу одаривает меня одной из лучших своих гримас, изображая потрясение, но я едва успеваю это заметить, потому что чувствую, как в переполненном баре кто-то прижимается ко мне сзади. На долю секунды чьи-то большие руки ложатся на мои бедра и кто-то горячо шепчет прямо мне в ухо: «А вот где ты!»

Я вздрагиваю, поворачиваюсь и отпрыгиваю, тихонько ахнув.

Ансель.

Кажется, мое ухо стало влажным и теплым от его слов, но стоит мне посмотреть в его глаза, как я вижу тот же игривый огонек, что и ночью. Он из тех парней, которые пойдут на все, чтобы тебя рассмешить: он исполнит забавный танец робота, лизнет кончик твоего носа, выставит себя дураком – словом, сделает что угодно ради улыбки. Уверена, если бы я попыталась повалить его на землю, он бы мне уступил. Наслаждаясь каждой минутой.

– Слишком близко? – спрашивает он. – Должно было быть соблазнительно и нежно.

– Не думаю, что ты мог бы быть еще ближе, – замечаю я, вытирая ухо и стараясь не улыбнуться. – Ты был практически внутри моей головы.

– Ниндзя из него был бы ужасный, – говорит один из парней рядом с ним.

– Оливер, Финн, – представляет Ансель, указывая сначала на высокого парня с взъерошенными каштановыми воло-

сами, щетиной и яркими голубыми глазами за очками с толстыми стеклами, а потом на того, который говорил, с короткими темными волосами, темными блестящими глазами и с постоянной, как мне кажется, дерзкой ухмылкой. Ансель переводит взгляд на меня:

– А это, джентльмены, Сериз. И я все еще жду, что она назовет свое настоящее имя. – Он слегка наклоняется ко мне. – Когда-нибудь ей придется уступить.

– Я Миа, – представляюсь я, игнорируя его намек. Его глаза скользят по моему лицу и останавливаются на губах. Он смотрит на меня так, как если бы мы собирались поцеловаться, но он слишком далеко. Он подается вперед – будто самолет пролетает в десяти футах над землей, но не касается ее.

– Приятно увидеть лица мужчин, которые вчера так орали, – я пытаюсь разогнать возникшее между нами сильное сексуальное напряжение, глядя через Ансея на Оливера и Финна, а потом указываю на своих вытаращивших глаза подруг. – Это Лорелея и Харлоу.

Они обмениваются с парнями рукопожатиями, но остаются при этом подозрительно тихими. В таких ситуациях с парнями знакоюсь не я, обычно я оттаскиваю Харлоу от стола, на котором она собирается заняться сексом с кем-то уже через пару минут после знакомства, в то время как Лола готова врезать любому парню, который осмелится с нами заговорить. Но они обе слишком ошеломлены, чтобы как-то реагировать на происходящее.

– Ты нас искал? – спрашиваю я.

Ансель пожимает плечами:

– Ну, мы зашли в парочку мест просто посмотреть.

За его спиной Оливер, тот, что в очках, показывает семь пальцев, и я смеюсь:

– В парочку?

– Не больше трех, – отвечает Ансель, подмигивая.

Я замечаю какое-то движение за его спиной, но прежде чем успеваю что-нибудь сказать, Финн прыгает вперед, пытаясь стащить с Анселя штаны. Ансель даже не моргнул, не смутился и не разозлился, только схватился за ремень и обратился ко мне с вопросом:

– Что ты пьешь?

Будто я не вижу его серые боксеры.

Будто я не уставилась прямо на внушительную выпуклость, обтянутую серым хлопком.

Значит, вот как мальчики развлекаются?

– Рада снова видеть тебя в белье, – говорю я, с трудом сдерживая улыбку.

– Почти, – уточняет он. – На это раз хотя бы штаны остались на мне.

Я снова смотрю на его подтянутые бедра:

– С этим можно поспорить.

– Последний раз, когда Финн так сделал, их не было. На этой неделе я побил его рекорд, вот он и пытается взять реванш. – Ансель замолкает, брови его удивленно поднимают-

ся, кажется, он только сейчас услышал, что я сказала. Он наклоняется ко мне ближе и спрашивает мягким, тихим голосом:

– Ты ко мне подкатываешь?

– Нет. – Я сглатываю, пытаюсь совладать с его пристальным взглядом. – Может быть?

– Может быть, раз мои штаны упали, твоему платью стоит подняться, – шепчет он, и ни одно предложение никогда еще не звучало так грязно. – Справедливости ради.

– Она слишком горячая для тебя, – вмешивается Финн из-за его спины.

Ансель, не оборачиваясь, кладет руку на лицо Финна и отталкивает его. Затем кивает на мой уже опустевший бокал, без слов спрашивая, что в нем было.

Я смотрю на него, чувствуя, как внутри растекается странное тепло от ощущения этой близости. Так вот что такое химия. Я уже чувствовала нечто подобное с другими исполнителями, но на этот раз все иначе. Обычно химия между танцорами переходит и за пределы сцены, или мы заставляем себя вернуться в реальную жизнь. А здесь, с Анселем, напряжение так велико, что от нас вполне можно подзарядить несколько аккумуляторов.

Он берет мой бокал и говорит, поглядывая на Лолу, которая делает шаг вперед:

– Я сейчас вернусь.

Она исподлобья смотрит на Анселя, скрестив руки на гру-

ди.

– С выпивкой, – объясняет он добродушно. – С дорожным разбавленным алкоголем и, возможно, с какими-нибудь сомнительными фруктами. Без шуток, обещаю. Хочешь пойти со мной?

– Нет, но я за тобой слежу, – отвечает она.

Он одаривает ее самой очаровательной улыбкой, на какую способен, и поворачивается ко мне:

– Есть какие-то особые пожелания?

– Удиви меня, – бросаю я в ответ.

Когда он удаляется на несколько шагов, чтобы сделать заказ бармену, девочки дружно смотрят на меня так выразительно, что во взглядах явно читается: *«какого черта тут происходит?!»* Я пожимаю плечами, потому что, правда, что я могу сказать? Вся история разворачивается прямо перед ними. Сексуальный парень и его сексуальные друзья подошли к нам в клубе, и этот красавчик покупает мне выпить. Вот и все.

Лола, Харлоу и друзья Анселя ведут светскую беседу, но я почти не слышу их из-за грохочущей музыки и собственного пульса, который отдает мне в уши. Я стараюсь не смотреть туда, где Ансель вклинился в толпу у барной стойки, но боковым зрением я вижу его голову, возвышающуюся над остальными, и как он, высокий и стройный, подается вперед, чтобы сделать заказ бармену.

Он возвращается через несколько минут с новым бока-

лом, в котором лед, лайм и чистая прозрачная жидкость, и протягивает его мне с любезной улыбкой:

– Джин с тоником, правильно?

– Я думала, ты принесешь что-нибудь эдакое. В ананасе или с бенгальскими огнями.

– Я понюхал твой бокал, – Он пожимает плечами. – Хотел, чтобы ты пила то же самое. Плюс... – Он жестом очерчивает мой силуэт. – Все эти кокетливые женские штучки и короткое платье и... – он очерчивает круг указательным пальцем над моей головой, – эти сияющие черные волосы и прямая челка. И эти алые губы. Я смотрю на тебя и думаю: джин. – Он замолкает, потирая подбородок, и добавляет: – На самом деле я смотрю на тебя и думаю...

Смеясь, я выставляю ладонь, знаком останавливая его:

– Я понятия не имею, что с тобой делать.

– У меня есть кое-какие предложения.

– Не сомневаюсь.

– Не хочешь послушать? – Он решительно ухмыляется.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Я почти уверена, что влипла по уши:

– Парни, может, расскажете нам сперва о себе? Вы все живете в Штатах?

– Нет. Мы познакомились несколько лет назад на одной из волонтерских программ, когда ездили на велосипедах по городам и строили дешевое жилье. Это было после окончания университета, и мы проехали от Флориды до Аризоны.

Теперь я смотрю на него внимательнее. Я не слишком задумывалась, кто он и чем занимается, но все это гораздо интереснее, чем группа раздолбаев-иностранцев, просаживающих деньги в Вегасе. И теперь понятно, откуда у него такие мускулистые бедра – поездки на велосипедах из штата в штат многое объясняют.

– Не ожидала от тебя такое услышать.

– Мы тогда вчетвером очень сблизились. Финн, Оливер, я и Перри. В этом году мы снова собрались на совместный пробег, но только из Остина до Вегаса. Мы уже староваты для таких приключений.

Я оглядываюсь в поисках четвертого и вопросительно вскидываю брови:

– Так и где же он?

Но Ансель только пожимает плечами:

– В этот раз нас всего трое.

– Звучит потрясающе.

Он отпивает из бокала и кивает:

– *Было* потрясающе. Я боюсь возвращаться домой во вторник.

– Домой – это куда? Во Францию?

Он улыбается:

– Да.

– Домой во Францию. Вот напасть, – говорю я сухо.

– Ты должна поехать в Париж со мной.

– Ха. Ладно.

Он долго изучает меня.

– Я серьезно.

– О да, не сомневаюсь.

Он снова делает глоток и поднимает брови:

– Ты, возможно, самая красивая женщина, какую я когда-либо видел. И, полагаю, еще и самая умная. – Он слегка наклоняется и шепчет: – Ты умеешь жонглировать?

Смеясь, я отвечаю:

– Нет.

– Жаль. – Он мурлычет, улыбаясь моим губам. – Что ж, мне придется остаться во Франции месяцев на шесть или около того. Ты поживешь там немного со мной, до того, как мы купим дом в Штатах. И тогда я могу тебя научить.

– Я даже не знаю твою фамилию. – Я смеюсь еще громче. – Нам рановато обсуждать уроки жонглирования и совместное проживание.

– Моя фамилия Гийом. Мой отец француз, а мать американка.

– Ги... что? – повторяю я с нарочитым акцентом. – Да я даже произнести это не смогу. – Я хмурюсь, несколько раз прокручивая в голове это слово. – На самом деле я даже не уверена, с какой буквы это начинается.

– Тебе придется научиться это произносить, – говорит он, и ямочки становятся отчетливее. – В конце концов тебе придется подписывать новым именем банковские чеки.

Так, стоп, мне нужна пауза. Нужно сделать перерыв и от-

влечься от его улыбки и флирта уровня «максимальная боеготовность» по шкале Вооруженных сил США. Мне нужен кислород. Но когда я мельком смотрю вправо, я вижу еще более округлившиеся глаза моих подруг, стоящих неподалеку.

Я откашливаюсь, решая, что можно не стесняться того, насколько мне сейчас весело и легко.

– Что? – спрашиваю я Лолу, всем своим видом давая понять, что не стоит драматизировать.

Она переключается на Ансея:

– Ты смог ее разговорить.

Я чувствую, как она удивлена, и не хочу, чтобы это волнение меня поглотило. Если я слишком много буду думать о том, почему мне так легко с ним, это прекратится и я запаникую.

– Вот ее? – спрашивает он, показывая на меня большим пальцем. – Да она же не умолкает, да?

Харлоу и Лола смеются, но их смех как бы говорит: «Да ты с ума сошел!» Лола тихонько отводит меня в сторону и кладет руку мне на плечо:

– Ты.

– Что я?

– Ты влюбилась, – шипит она. – И меня это бесит. Ты еще в белье? – Она резко подается вперед, будто собирается проверить.

– Мы познакомились ночью, – шепчу я, притягивая ее и

заставляя понизить голос, потому что отошли мы недалеко и все трое слышат наш диалог.

– Ты познакомилась с ним и не рассказала нам?

– О господи. Мамочка. Мы были заняты утром, и я забыла, понятно? Ночью они устроили вечеринку в соседнем номере. Вы тоже наверняка слышали бы этот шум, если бы не выпили такое количество водки, которое убило бы лошадь! Я вышла и попросила их не шуметь.

– Нет, это был не первый раз, когда мы виделись, – Ансель подает голос из-за моего плеча. – Мы познакомились раньше.

– Нет, мы НЕ ЗНАКОМИЛИСЬ, – настаиваю я, всем своим видом давая ему понять, что тема закрыта. Он же не знает Лолу-защитницу, а я знаю.

– Но в этот раз она впервые увидела Ансея в нижнем белье, – заботливо добавляет Финн. – Он пригласил ее зайти к нам.

Она так сильно поднимает брови, что они исчезают под волосами.

– О боже. Я пьяна? Что они сюда намершали? – спрашивает она, всматриваясь в свой мерцающий бокал.

– Так, стоп. – Я злюсь. – Я не входила в его номер. Я никогда не беру конфетки у прекрасных незнакомцев, даже если очень хочется, потому что, привет, ты посмотри на него, – добавляю я, что бесит ее еще больше. – Видела бы ты его без рубашки.

Ансель покачивается на каблуках, потягивая свой коктейль:

– Пожалуйста, продолжайте, как будто меня здесь нет. Это просто фантастика.

Наконец, кажется, Лола милосердно решает сменить тему. Мы отступаем в небольшой полукруг к ребятам и попиваем коктейли в неловком молчании.

То ли не замечая, то ли игнорируя эту неловкость, Ансель спрашивает:

– Так что вы празднуете в эти выходные?

Он даже не произносит слова, он их выдувает, выталкивая каждое маленьким поцелуем. Никогда раньше у меня не возникало такого желания прикоснуться пальцами к чьим-то губам. Пока Харлоу объясняет, почему мы здесь, в Вегасе, пьем ужасные шоты, наряженные в самые откровенные платья на свете, мой взгляд скользит по его подбородку, по щекам. Вблизи я вижу, что у него идеальная кожа. Не только чистая, но и гладкая и ровная. Только щеки слегка розовые, такой постоянный мальчишеский румянец. Поэтому он выглядит моложе своих лет. На сцене он бы обошелся без грима. Никакого тональника, никакой помады. У него острый нос, глаза пугающе зеленого цвета идеально расположены. Думаю, я бы разглядела их цвет даже с галерки. Он настолько идеален, что это кажется невозможным.

– А что ты делаешь, когда не катаешься на велосипеде и не жонглируешь? – спрашиваю я, и все тут же одновременно

оборачиваются. Я чувствую, как взрывается пульс в горле, но заставляю себя не отводить глаза от Анселя, ожидая его ответа.

Он ставит локти на барную стойку и полностью завладевает моим вниманием:

– Я адвокат.

Моя фантазия тут же сходит на нет. Отец был бы в восторге, узнав, что я тут болтаю с юристом.

– О.

Он хрипло смеется.

– Прости, что разочаровал.

– Я просто не встречала адвокатов, которые не были бы старыми и похотливыми, – признаюсь я, игнорируя взгляды Харлоу и Лолы. Я знаю, в этот момент они подсчитывают, сколько слов я произнесла за последние десять минут. А я сейчас бью свой личный рекорд.

– Если я скажу, что работаю на некоммерческую организацию, это как-то поможет?

– Не особо.

– Хорошо. В таком случае я скажу тебе правду: я работаю в самой крупной и самой жестокой корпорации Парижа. У меня ужасный график, правда. Вот почему тебе следует поехать со мной в Париж. Я бы хотел, чтобы у меня была причина приходить домой с работы пораньше.

Я притворяюсь, что меня это не волнует, но он следит за моей реакцией. Я практически чувствую его улыбку. Она на-

чинается еле заметно в уголке его губ, и чем дольше я при-
творяюсь, тем шире она становится.

– Итак, я рассказал о себе, теперь твоя очередь. Откуда ты, Сериз?

– Я сказала тебе, как меня зовут, так что необязательно меня так называть.

– А если я хочу?

Мне действительно сложно сосредоточиться, когда он так улыбается.

– Я не уверена, что стоит говорить тебе, откуда я. Опасные незнакомцы и все такое.

– Я могу дать тебе свой паспорт. Это поможет?

– Возможно.

– А еще мы можем позвонить моей маме, – предлагает он и лезет в задний карман за телефоном. – Она американка, и вы отлично поладите. Она все время говорит, какой я милый мальчик. Я это часто слышу, серьезно.

– Не сомневаюсь, – съязвила я, и честно признаться, я думаю, он и правда даст мне позвонить своей матери. – Я из Калифорнии.

– Просто из Калифорнии? Я, конечно, не американец, но слышал, что это довольно большой штат.

Я смотрю на него, сощулив глаза, и потом наконец добавляю:

– Сан-Диего.

Он улыбается, будто только что выиграл приз. Как будто

я празднично упаковала эти крошечные сведения и бросила ему на колени.

– Ага. И что ты там делаешь, в Сан-Диего? Твоя подруга сказала, что вы празднуете окончание колледжа. Что дальше?

– Уф... бизнес-школа. Бостонский университет, – отвечаю я и сама удивляюсь, как мне режет слух собственный ответ, будто я читаю по сценарию.

Похоже, для него это звучит так же, потому что впервые его улыбка ускользает.

– Я бы не догадался.

Я устояла на барную стойку и, не думая, просто допиваю свой коктейль. Алкоголь обжигает, но я чувствую, как тепло растекается по телу. Слова, которые я хочу сказать, пузырятся где-то глубоко в горле.

– Я... танцевала раньше. Балет.

Я впервые говорю это кому-то.

Он поднимает брови, глазами пробегает по моему лицу, потом сверху вниз по всему телу:

– Теперь ясно.

Харлоу искоса поглядывает на меня, а затем на Анселя.

– Вы двое такие офигенно клевые.

– Это отвратительно, – соглашается Финн, вздыхая себе под нос.

Их взгляды встречаются. И вот заключается молчаливое соглашение, по которому они вместе против нас, соревнуют-

ся, кто сильнее унизит своего друга. И я понимаю, что примерно через полтора часа Харлоу прокатится на Финне в позе «наездница наоборот»² где-нибудь на этаже. Лола ловит мой взгляд, и я понимаю, что мы думаем об одном и том же.

Словно в доказательство, Харлоу поднимает рюмку в сторону Финна. При этом большая часть содержимого выплескивается через край на ее кожу. Эта роскошная женщина наклоняется, слизывая капли с тыльной стороны ладони, а потом произносит, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Я, наверно, трахну его сегодня.

Финн смеется, придвигается к ней ближе и шепчет что-то на ухо. Понятия не имею, что он сказал, но клянусь, я никогда не видела, чтобы Харлоу так краснела. Она потягивается, играя со своей сережкой. Рядом со мной слышится стон Лорелеи.

Когда Харлоу смотрит тебе в глаза и снимает сережку, варианта два: либо она тебя трахнет, либо убьет. Когда Финн улыбается, я осознаю, что он уже понял это правило и знает, что победит.

– Харлоу, – предостерегаю я.

Очевидно, Лола больше не в силах это выносить, потому она хватает Харлоу за руку и стаскивает со стула:

– У нас совещание в дамской комнате.

² Поза, при которой женщина сверху, спиной к лицу партнера.

– ПОЧЕМУ ОН называет меня «Вишенкой»? – спрашиваю я свое отражение в зеркале. – Неужели он думает, что я девственница?

– Я абсолютно уверена, он имеет в виду, что твой рот прямо таки идеален для орального секса, – подмигивает мне Харлоу. – И если позволите, осмелюсь предположить, что сегодня ночью ты отделаешь этого парня по полной программе. Ты слышала что-нибудь сексуальнее его акцента?

Лорелея уже качает головой:

– Не уверена, что Миа из тех, кого можно уговорить на секс на одну ночь...

Я заканчиваю красить губы и сжимаю их:

– О чем это вы? – Я не планировала с ним спать. Я собиралась провести весь вечер, пялясь на Анселя, а потом отправиться в постель в одиночестве и фантазировать, что я это не я, а кто-то другой, и Ансель посвящает меня во все тонкости секса в коридоре. Но когда Лола это произносит, я чувствую, как внутри меня просыпается протест.

Харлоу мгновение изучает меня.

– Думаю, она права. Тебе трудно угодить, – поясняет она.

– Харлоу, ты серьезно? – спрашиваю я. – Ты можешь так спокойно это говорить?

Лола поворачивается ко мне, и глаза у нее широко рас-

крыты от удивления:

– Я не это имела в виду.

– А вот мне определенно невозможно угодить, – признается Харлоу. – Обожаю наблюдать, как мужчины стараются это сделать. Но у Мии уходит пара недель, прежде чем она избавляется от этой неловкости и начинает свободно общаться.

– Но только не сегодня, – бормочет Лола.

Я запикиваю блеск для губ обратно в клатч и бросаю взгляд на Харлоу:

– А может быть, мне нравится двигаться медленно и обходить эту странную потребность людей болтать без умолку. Зато ты рубишь с плеча – и это нормально. Я тебя не осуждаю.

– Что ж, – Харлоу продолжает, будто я ничего и не говорила, – Ансель восхитителен, и, судя по тому, как он на тебя смотрит, ему не нужно, чтобы ты много болтала.

Лорелея вздыхает:

– Он кажется милым, и они очевидно нравятся друг другу, но к чему это приведет? – Она запикивает все обратно в сумочку и поворачивается лицом к нам, а спиной к раковине. – Он живет во Франции, а она переезжает в Бостон, который чуть ближе к Франции, чем Сан-Диего. Если у тебя будет секс с Анселем, – продолжает она мне, – это будет надежная миссионерская поза, с кучей разговоров и нежными взглядами глаза в глаза. Это не секс на одну ночь.

– Девочки, вы меня с ума сводите, – вздыхаю я.

– Ну, она может настоять на позе по-собачьи, в чем проблема? – недоумевает Харлоу.

Поскольку я в этой беседе явно лишняя, я выхожу из туалета и возвращаюсь в бар, предоставив им возможность дальше обсуждать мои планы на ночь без меня.

* * *

СНАЧАЛА наши друзья по мере того, как привыкают друг к другу (или все вместе пьянеют), будто сливаются с фоном. По их смеху я понимаю, что они больше не прислушиваются ко всему, что мы говорим. В конце концов они отправляются играть в блэк-джек за баром, предварительно многозначительно посмотрев на меня, мол, будь осторожна, и на Ансея, как бы говоря глазами: «Не слишком напирай!»

Он допивает бокал и ставит его на стойку бара:

– Что тебе больше всего нравилось в танцах?

Я чувствую себя смелой, не знаю, из-за джина или из-за Ансея, да это и не важно. Я беру его руку и тяну, заставляя его встать со стула. Он отходит от стойки и идет рядом со мной.

– Потеряться в танце, – отвечаю я, опираясь на него. – Стать кем-то другим.

«Так я могла притвориться кем-угодно, – думаю я, – притвориться, что я в чужом теле делаю то, на что бы, как следует поразмыслив, не решилась в своем. Например, вот

так увести Ансея в темный коридор, хотя мне все равно приходится для этого набрать побольше воздуха в легкие и посчитать до десяти, *но я это делаю*».

Когда мы сворачиваем за угол и останавливаемся, он мурлычет, и я смыкаю губы крепче, наслаждаясь тем, как этот звук заставляет сжиматься мои легкие. Ну не могут же мои ноги, легкие и мозг отказаться одновременно!

– Мы можем притвориться, что *это* сцена, – шепчет он, облокачиваясь на стену рядом с моей головой. – Ты можешь притвориться кем-то другим. Например, девушкой, которая затащила меня сюда, потому что хочет меня поцеловать.

Я сглатываю, пытаюсь в голове собрать слова в предложение:

– Тогда кем будешь *ты*?

– Парнем, который получит девушку, которую хочет, и который не торопится возвращаться домой.

Он не отводит взгляд, и я чувствую, что тоже не могу оторваться от него, хотя мои колени подгибаются. Он мог бы поцеловать меня в эту самую секунду, но это все равно было бы недостаточно быстро.

– Почему ты привела меня сюда? Подальше от всех? – спрашивает он, и улыбка исчезает с его лица.

Я смотрю через его плечо в сторону клуба, где ненамного светлее, чем там, где мы стоим.

Я не отвечаю, и он наклоняется, чтобы поймать мой взгляд:

– Я задаю слишком много вопросов?

– Мне всегда нужно немного времени, чтобы подобрать слова, – говорю я. – Дело не в тебе.

– Нет-нет, обмани меня! – Он придвигается ближе и улыбается так, что мое сердце замирает. – Позволь мне думать сейчас, когда мы одни, что это из-за меня ты лишилась дара речи.

И он ждет, ждет, пока я найду что ответить. Но правда в том, что при всем многообразии слов, из которых можно выбрать, я не уверена, что имеет значение говорить ему, почему я захотела увести его сюда, подальше от моих друзей, с которыми чувствую себя в безопасности, потому что они всегда готовы объяснить, что я чувствую, или переменить тему при необходимости.

Я не нервничаю, и мне не страшно. Я действительно не знаю, как мне влезть в роль, которую я хочу сыграть: роль кокетливой, открытой, смелой девушки. Что там насчет химии между людьми, когда чувствуешь, что тебя все больше или меньше тянет к кому-то? С Анселем я чувствую, как наши сердца бьются в унисон. Я хочу дотронуться кончиками пальцев до его шеи и губ. Хочу касаться губами его кожи, чтобы почувствовать, такая ли она теплая, как кажется, хочу узнать, понравится ли мне то, что он выпил, попробовав на вкус его язык. Хочу говорить с ним откровенно, без двусмысленности и сражений за каждое конкретное слово, а потом хочу подняться с ним в номер и больше не говорить.

– Спроси меня еще раз, – прошу я.

Он слегка хмурится, не понимая, что я от него хочу.

– Так почему ты меня привела сюда?

На этот раз я отвечаю, не задумываясь:

– Сегодня я хочу прожить другую жизнь.

Его губы чуть-чуть приоткрываются, пока он думает, и я не могу оторвать от них взгляд.

– Со мной, Сериз?

Я киваю:

– Я знаю, что это значит. Это значит «Вишенка». Извращенец.

Его глаза весело блестят.

– Именно.

– И я уверена, что ты понимаешь, что я не девственница.

Он качает головой.

– Ты свой рот видела? Я никогда не видел таких пухлых и красных губ.

Невольно я закусываю нижнюю губу и слегка посасываю ее.

Его взгляд тяжелеет, он наклоняется ближе:

– Мне нравится, когда ты так делаешь. Я тоже хочу попробовать.

Мой голос дрожит и прерывается, когда я шепчу:

– Это просто губы.

– Это *не просто губы*. И пожалуйста... – Он дразнит меня, и он так близко, что я чувствую аромат его лосьона по-

сле бритья. Он пахнет свежестью, зеленью, резко, успокаивающе – всем сразу; ни разу я не чувствовала такого аромата на мужчине. – Ты пользуешься красной помадой и думаешь, что мужчины не заметят твой рот? Наверняка ты догадываешься, о чем мы мечтаем, глядя на такие губы?

Я не закрываю глаза, когда он наклоняется и сжимает мою нижнюю губу своими губами. Но его глаза закрыты. А все мои чувства отзываются на хриплый звук, который он издает: я чувствую, слышу, вижу, как он дрожит.

Он проводит языком по моей губе, нежно посасывает ее, а потом выпускает. Я понимаю, что это был не поцелуй. Он пробовал меня на вкус. И он явно согласен:

– Ты не похожа на вишню.

– А какая я на вкус?

Он пожимает плечами, задумчиво поджимает губы:

– Не могу подобрать подходящее слово. Ты сладкая. Женщина и все еще девушка одновременно.

Одна его рука по-прежнему находится у моей головы, а вот другая играет с краем моего кардигана. Я осознаю: если хочу жить другой жизнью, я должна это сделать. Хватит ходить на цыпочках по краю обрыва. Надо прыгать. Нужно понять, что бы сделала девушка, которой я хочу стать, на моем месте, и притвориться, что я – это она. *Она* одна на сцене. А Миа просто зритель в зале.

Я тяну его пальцы к подолу платья, а потом – под него.

Он больше не смотрит на мой рот; мы смотрим друг дру-

гу прямо в глаза, пока я веду его руку вверх по внутренней части бедра. Здесь, в коридоре, так уединенно, темно и тихо, а из-за угла доносятся пьяное эхо бара и тяжелый бас популярной песни. Нас не видно, но в любой момент кто угодно, если захочет, сможет нас найти. Без всякого сопротивления с моей стороны он проскальзывает пальцем под ткань моих трусиков. Я закрываю глаза и откидываю голову назад, пока он нежно водит по моей самой чувствительной части тела.

Я не знаю, что я сделала или почему, но вдруг меня охватывают противоречивые чувства. Я хочу, чтобы он трогал меня, *о господи, я так этого хочу*, но при этом я очень напугана. После Люка у меня было двое мужчин, но с ними всегда была прелюдия: поцелуи, все по нарастающей. Но с Анселем все упрощается, меня захлестывает желание.

– Не знаю, кто больше удивлен тем, что ты только что сделала, – говорит он и целует меня в шею. – Ты или я.

Он вытаскивает палец, но тут же вся его рука проскальзывает в трусики. Я задыхаюсь, когда он нежно, но уверенно ласкает меня двумя пальцами.

– Toutes les choses que j'ai envie de te faire...³

Я шепчу, сдерживая стон:

– Что ты сказал?

– Просто думаю обо всем, что хочу с тобой сделать. – Он целует меня в подбородок. – Хочешь, чтобы я остановился?

– Нет, – возражаю я, и меня охватывает паника. – Да.

³ Все, что я хочу сделать с тобой (*фр.*).

Он замирает, и я тут же начинаю тосковать по ритмичным движениям его пальцев: – Нет. Не останавливаясь.

Он, хрипло посмеиваясь, склоняется, чтобы поцеловать меня в шею, и как только его пальцы снова начинают двигаться, я закрываю глаза.

* * *

МНЕ НУЖНА ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ, чтобы открыть глаза; голова раскалывается. Все тело болит. Я крепко сжимаю виски, будто это поможет собрать голову в единое целое. А она, должно быть, развалилась на части, иначе бы так не болела.

В комнате темно, но за тяжелыми портьерами гостиничного номера, я знаю, слепит яркое солнце Невады.

Даже если я проспала неделю, мне нужно еще две.

Воспоминания о прошлой ночи возвращаются ко мне крошечными беспорядочными вспышками.

Алкоголь. Ансель. Я утаскиваю его в коридор, и я чувствую его язык у себя во рту. Потом мы разговариваем. Много разговариваем. Короткие вспышки обнаженной кожи, движение... и опустошающая легкость после ночи оргазмов, следующих один за другим.

Я вздрагиваю, к горлу подступает тошнота.

Больно пошевелиться. Я чувствую себя разбитой и выпотрошенной, и я даже не сразу понимаю, что лежу совершенно

но голая. И одна. Ребра, шея и плечи побаливают. Когда мне удастся сесть, оказывается, что большая часть постельного белья валяется на полу, а я сижу на голом матрасе, будто меня вырвали из этого хаоса и намеренно уложили сюда.

Рядом с моим обнаженным бедром лежит листок бумаги, аккуратно сложенный пополам. Изящный почерк, сразу понятно, что писал иностранец. Я быстро читаю записку, моя рука дрожит.

«Миа,

я пытался тебя разбудить, но так как у меня ничего не получилось, я решил дать тебе поспать. Думаю, у нас в запасе всего пара часов. Я собираюсь принять душ и затем спуститься вниз, чтобы позавтракать в ресторане напротив лифта. Пожалуйста, найди меня.

Ансель».

Меня трясет, я не могу остановиться. И это не из-за невыносимого похмелья или от осознания, что я провела ночь с незнакомцем и не помню большую ее часть. Не из-за того, в каком состоянии комната: лампа сломана, зеркало все в следах пальцев, пол завален одеждой, подушками и, слава богу, обертками от презервативов. И дело не в темном пятне на ковре во всю комнату от бутылки с содовой. И даже не в маленьких синяках, которые я вижу на ребрах, и не из-за тянущей боли между ног.

Меня трясет потому, что на безымянном пальце моей ле-

вой руки – тонкое золотое кольцо.

МЕНЯ ТРЯСЕТ, ПОТОМУ ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ОТКУДА У МЕНЯ КОЛЬЦО, ОЧЕНЬ ПОХОЖЕЕ НА ОБРУЧАЛЬНОЕ, И ПОЧЕМУ Я НЕ ПОМНЮ, ЧТО МЫ ДЕЛАЛИ? Единственное, что я помню, после того как увела Анселя в коридор, что мы пили, очень много пили и флиртовали.

Вспышками вспоминается катание на лимузине .

Харлоу кричит что-то из окна, Ансель глупо улыбается .

Кажется, я помню, что видела, как Лола поцеловала Оливера.

Короткая вспышка камеры. Я тащу Анселя вниз по коридору. И секс. Много секса.

Я мчусь в ванную, меня рвет. От алкоголя остается кислый привкус, будто мне в горло влили стыд и сотню плохих идей.

Чищу зубы слабой рукой и сжимаю другую, одаривая свое отражение в зеркале самым грязным взглядом, на который только способна. Я выгляжу хреново, у меня на шее и груди штук семнадцать засосов, и буду откровенна: судя по тому, как выглядит мой рот, ночью я очень увлеклась минетом.

Я глотаю воду из-под крана и, спотыкаясь, возвращаюсь в спальню, натягиваю рубашку из первого чемодана, который попадается мне на пути. Я с трудом могу ходить и валяюсь на пол, потратив тридцать секунд на поиски телефона. Заметив его в другом конце комнаты, ползу к нему, чтобы узнать, что он полностью разряжен, а я понятия не имею, куда дела за-

рядное устройство. Я сдаюсь и остаюсь лежать на полу, прижавшись к нему щекой. В конце концов кто-нибудь найдет мое тело. Ведь найдет, да?

Надеюсь, через несколько лет эта история покажется мне смешной.

– Харлоу? – зову я, морщась от того, как грубо звучит мой голос, от запаха моющего средства и несвежей воды, которыми пахнет ковер. – Лола?

Но огромный люкс совершенно пуст. Где, черт возьми, они провели эту ночь? С ними все в порядке? Картинка, как Лола целует Оливера, снова встает у меня перед глазами, но уже с некоторыми подробностями: они оба стоят перед нами в дешевом свете флуоресцентных ламп.

Да твою же мать, они тоже поженились?!

Кажется, меня сейчас снова стошнит.

Я делаю вдох через нос, потом выдыхаю ртом, и в голове медленно проясняется – достаточно, чтобы я могла подняться и выпить стакан воды из-под крана, чтобы не заблевать всю эту роскошь, за которую платит отец Харлоу.

Жадно набрасываюсь на энергетический батончик и банан из мини-бара, а затем двумя глотками осушаю банку имбирного эля. Чувствую – жидкости мне явно не хватает.

Под душем я тру ноющую кожу, бреюсь и моюсь трясущимися с похмелья руками.

Миа, ты ужасна. Питть ты не умеешь.

Ужасно не то, что я себя отвратительно чувствую, и не то,

что я сделала.

Самое ужасное заключается в том, что я хочу найти *его* не меньше, чем Харлоу и Лолу.

Самое ужасное, что сегодня понедельник, а значит, мы уезжаем, и это меня беспокоит.

Нет, самое ужасное – что я идиотка.

В спальне, пока я вытираюсь и одеваюсь, я все время поглядываю на записку, которую оставила на матрасе. Его аккуратный, наклонный почерк смотрит в потолок, и вдруг в мыслях всплывает тонкая нить воспоминаний: я выталкиваю одетого Анселя из ванной, усаживаюсь на унитаз с пачкой бумаги и шариковой ручкой в руках. Я пишу письмо? Кажется... себе?

Но я нигде не могу его найти – ни в огромной куче одеял на полу, ни под разбросанными диванными подушками в гостиной, ни в ванной. Нигде. А ведь оно должно быть здесь. Последнее и единственное письмо, которое я себе написала, помогло мне преодолеть самый сложный период в жизни.

Мне нужно найти сегодняшнее письмо! Если оно существует.

* * *

ПОСЛЕ САМОЙ тошнотворной и тревожной поездки на лифте в истории я, наконец, оказываюсь внизу. Вижу парней у кабинки ресторана, но Лолы и Харлоу с ними нет. Парни

о чем-то спорят, но они всегда о чем-то спорят, видимо, это такой способ мужчин общаться друг с другом. Они кричат, жестикулируют и выглядят раздраженными, а потом смеются. Не похоже, чтобы они приходили в себя после массового преступления, и я чувствую, как мои плечи немного расслабляются, потому что я уверена, где бы ни были сейчас Лола и Харлоу, с ними все в порядке.

Замерев на пороге, я не обращаю внимания на бойкую хостесс, которая несколько раз уточняет, нужен ли мне столик на одного. Головная боль возвращается, и, я надеюсь, когда-нибудь мои ноги начнут двигаться и эта девушка оставит меня в покое.

Ансель поднимает голову и видит меня, его улыбка на секунду исчезает, а на ее месте возникает нечто более сладкое. Это счастливое облегчение. Он совсем не умеет притворяться, у него все написано на лице.

Финн и Оливер оборачиваются и тоже видят меня. Финн что-то говорит, но я не могу разобрать, что именно, а потом дважды ударяет по столу костяшками пальцев и встает со стула.

Ансель остается за столом, а два его друга подходят ко мне.

– Г-г-г-г-де... – начинаю я, замолкаю, выпрямляюсь и говорю: – Где Харлоу и Лола?

Оливер указывает подбородком в сторону лифта:

– Спт. Амжет быть, дш.

Я скосила на австралийца глаза:

– Что?

– Спят, – переводит Финн, смеясь. – А может быть, в душе. – Его акцент не замечен, когда он трезвый. – Я им скажу, что ты внизу.

Я выжидающе поднимаю брови. Вдруг они захотят поделиться еще какой-нибудь информацией.

– И? – спрашиваю я, переводя взгляд с одного на другого.

Финн сдвигает брови:

– И... что?

– Мы все переженились? – спрашиваю я, подразумевая, что он сейчас скажет: *«Нет, ты что, это же просто игра! Мы выиграли эти дорогие золотые кольца в блэк-джек!»*

Но он кивает, и кажется, такой поворот событий его совсем не беспокоит. Чего не скажешь обо мне.

– Ага. Но не волнуйся, мы все исправим.

Он оглядывается на столик и многозначительно смотрит на Ансея.

– *Исправим?* – повторяю я, о господи, кажется, у меня инсульт?

Повернувшись ко мне, Финн кладет руку мне на плечо, в его взгляде читается сочувствие. И когда я смотрю на сидящего за ним Ансея, я вижу, что у него... у моего мужа?! глаза светятся от счастья.

– Ты знаешь, кто такой Брони?

В ответ я моргаю, не уверена, что верно расслышала:

– Кто?

– Брони, – повторяет он. – Это такие парни, которые любят сериал «*Мой маленький пони*».

– Так, хорошо. Но *при чем тут...*

Он приседает, так что его лицо оказывается на одном уровне с моим.

– Я спрашиваю тебя об этом не потому, что мужчина, за которого ты вышла замуж в пьяном угаре, Брони, а потому, что он считает саму идею Брони фантастической⁴.

– Мне кажется, я не догоняю, – шепчу я. – Я все еще пьяна? Или он пьян? В каком долбаном мире я проснулась сегодня?

– Однажды он принял ванну с желатиновыми десертами просто потому, что кто-то его на это подбил, а ему было любопытно попробовать, – рассказывает Финн. – Ему нравится открывать бутылки с вином только при помощи стены и ботинка. А когда в Альбукерке у нас закончились наличные, а в ресторане отказались принимать кредитные карты, он оплатил наш ужин, станцевав стриптиз в соседнем маленьком клубе.

– Так. Мне нужен кофе. Чтобы понять хоть что-то из твоего рассказа, – заявляю я.

Финн пропускает мои слова мимо ушей:

– Он тогда заработал семьсот долларов, но речь не об

⁴ Брони – фэндом поклонников сериала «Мой маленький Пони», в который входят мужчины в возрасте от 14 до 35 лет (*прим. пер.*).

этом.

– Ладно. – Я снова поглядываю на Ансея. Он нас не слышит, но отлично знает этих ребят, так что ему это и не нужно. Он откровенно хохочет.

– Речь о том, чтобы ты держала все это в уме, когда говоришь с ним. Я имею в виду... Ансель всегда немного влюбляется в то, что видит. – Когда он это произносит, мое сердце болезненно сжимается. – И именно за это я люблю этого парня, но вся его жизнь... она... – Он беспомощно оглядывается на Оливера в поисках поддержки.

Оливер вынимает зубочистку изо рта и, прежде чем вернуть ее назад, выдает:

– Нпрскзум?

– Непредсказуема. – Финн треплет меня по плечу, словно мы поняли друг друга, как будто этот разговор что-то прояснил, и отходит. Оливер торжественно кивает. Неоновые лампочки отражаются в стеклах его очков, и я снова моргаю, размышляя, не лучше ли мне снова пойти в уборную, чтобы меня вырвало, вместо того разговора, который, судя по всему, мне сейчас предстоит. О чем они вообще говорят? Я хожу с трудом, не говоря уже о том, чтобы как-то осмыслить, что вышла замуж за парня, который любит в этой жизни все, включая Брони?!

С нервными спазмами в желудке я проскальзываю между двумя столами и подхожу к кабинке с улыбающимся Анселем. За те минуты, что мы были не вместе, вернее, за те

минуты, что я была в беспамятстве, я забыла, как он на меня действует. Мои нервные рецепторы обостряются, и кожа жаждет его прикосновений.

– Доброе утро, – произносит он медленно хриплым голосом. Он кажется бледным, а под глазами пролегли темные круги. Судя по тому, как он выглядит, хотя и встал раньше меня, я сильно сомневаюсь, что через пару часов мне станет лучше.

– Доброе утро, – зависаю я у края стола, не решаясь присесть. – О чем говорил Финн?

Он отмахивается, уже забыв об этом.

– Я видел, что ты идешь, и заказал апельсиновый сок и то, что вы, американцы, называете словом «кофе».

– Спасибо.

Когда я сажусь, от тянущей боли между ног у меня перехватывает дыхание – это напоминание о дикой ночи как третий участник за нашим столом. Я вздрагиваю, вздрагиваю всем телом, и Ансель замечает это. Его реакция меня смешит: он краснеет, а глаза его невольно начинают пересчитывать следы, которые он оставил на моих шее и груди. Я жалею, что не взяла шарф, летом в пустыне он пришлось бы кстати, пытаюсь прикрыться дрожащей рукой, и он взрывается смехом. Я падаю головой на скрещенные на столе руки и тяжело вздыхаю. Все, завязываю с выпивкой!

– Насчет этих следов от укусов... – начинает он.

– Да, о них.

– Ты просила меня тебя кусать.

– Я?! *Просила???*

– И очень настойчиво, – говорит он, усмехаясь. – А я джентльмен, я не мог отказать и с радостью выполнил твою просьбу.

– Ох.

– Судя по всему, ночь выдалась бурная.

Я поднимаю голову, благодарю официантку, когда она ставит передо мной чашку кофе.

– Я плохо помню подробности.

И да, вот они: мы вваливаемся в номер отеля, смеясь и падая прямо на пороге. Он, играючи поворачивает меня спиной к себе, целует шею, спускается губами по спине к бедрам. Раздевает меня руками, зубами и словами, целует мою кожу. Я нетерпеливо раздеваю его, чуть не порвав рубашку на груди, – не слишком изящно...

Когда я поднимаю взгляд и смотрю ему в глаза, он потирает шею и смущенно улыбается:

– Судя по моим ощущениям, то мы... э... это было довольно долго.

Я чувствую, как мое лицо обдаёт жаром, а желудок тут же сжимается. Не первый раз я уже слышу подобный упрек.

– Прости. Мое тело, оно... меня трудно удовлетворить. Чтобы довести меня до оргазма, Люку требовалась вечность, и когда мы первое время были вместе, я притворялась, что кончила, чтобы он не чувствовал себя неудачником.

О боже, я что, действительно сказала это вслух?

Ансель потирает нос с выражением, которого я раньше у него не видела, он выглядит очаровательно растерянным.

– Что? Ты же не робот, иногда требуется время. А мне очень понравилось выяснять, как доставить тебе удовольствие. – Он морщится и на этот раз выглядит виновато. – Боюсь, что это я долго не мог успокоиться. Я слишком много выпил. И кроме того... после каждого раза нам обоим хотелось еще... Я чувствую себя так, словно сделал миллион подходов.

И я понимаю, что это правда. Даже сейчас мое тело напоминает музыкальный инструмент, на котором прошлой ночью виртуозно играли несколько часов подряд, и, кажется, мое желание исполнилось: я *получила* другую жизнь. Жизнь женщины, у которой был внимательный и страстный любовник. Даже несмотря на похмелье, я чувствую себя растянутой и разогретой, это такое удовлетворение, которое пробирает до костей и до самых укромных уголков мозга.

Я вспоминаю диван в гостиной, на который Ансель перенес меня и на котором закончил начатое в коридоре... ощущение от его прикосновений, когда он снимал с меня трусики, скользя кончиками пальцев по разгоряченной нежной коже...

– Ты такая нежная, – произнес он, целуя меня. – Такая нежная и влажная, я боюсь, что для этого маленького, прекрасного тела я слишком груб.

Дрожащей рукой он снял с меня трусики, медленно стянув их вниз по ногам, и бросил на пол.

– Сначала я позабочусь о тебе. Потому что когда я войду, я знаю, я не смогу себя контролировать, – проговорил он, улыбаясь. Он щекотал мои бедра, целовал мой подбородок, а его рука соскочила вниз по животу в промежность. – Скажи, когда будет хорошо.

Я сказала это почти сразу, как только он надавил на клин пальцами и начал скользить по нему вперед-назад. Я дрожала, умоляла и потянулась к его брюкам. Я неловко стащила их с него, не расстегивая. Я хотела только одного – ощутить, как он наливается в моей руке.

По моему телу пробегает дрожь, когда я вспоминаю первый оргазм и как за ним сразу последовал второй, а потом я оттолкнула его, скатилась с дивана и он оказался у меня во рту.

Но я не помню, как это закончилось. *Думаю*, он кончил.

Вдруг меня охватывает паника.

– Там, в гостиной, ты...

Его глаза ненадолго расширяются и наполняются веселыми искрами:

– А ты как думаешь?

Теперь моя очередь смущаться:

– Я... думаю, да.

Он наклоняется вперед, облакачивается на стол и подпирает подбородок рукой.

– Что ты помнишь?

Ах, ты маленький искуситель!

– Ты знаешь, что было.

– Может быть, я забыл? Или, может быть, я хочу послушать твою версию?

Я закрыла глаза и вспомнила, как стояла голыми коленями на ковре и как чуть не задохнулась, когда он, такой большой, оказался у меня во рту, его руки в моих волосах, его бедра ударяются о мои ладони.

Когда я поднимаю глаза, он все еще наблюдает за мной, и я очень четко вспоминаю выражение его лица, когда я впервые коснулась его языком.

Схватив чашку с кофе, я подношу ее к губам и делаю большой обжигающий глоток.

А потом я вспоминаю, как он перенес меня в спальню.

Там Ансель страстно целует и облизывает, посасывает и кусает каждый сантиметр моего тела. Помню, как мы катаемся по кровати и падаем на пол, разбиваем лампу. Помню, как сколько-то часов спустя он надевает презерватив, его мускулистое тело, опускающееся на меня. Я изнывала от желания почувствовать его вес на себе. Он был идеальным любовником: вошел в меня очень нежно, даже несмотря на то, что мы были абсолютно пьяны, двигался медленно и аккуратно, так что я вся потекла и выгнулась навстречу ему. Я помню, как он стонал, приближаясь к высшей точке, и как, развернув меня, прижал животом к матрасу и прикусил за

шею. Оставив один из множества следов.

Ансель следит за мной через стол, знакомая улыбочка кривит его рот.

– Ну? Кончил я?

Я открываю рот, но по его лукавому взгляду понимаю, что, кажется, мы оба вспоминаем сейчас, как он прижал меня к стене, приподнял и с силой вошел. Где мы были? Я помню, что это было жестко, помню, как в нескольких шагах от нас грохнулась на пол картина, как он говорил, что я совершенна. Помню, как звенели, падая и разбиваясь, бокалы около бара, как капли его пота катились по моей груди. Помню его лицо, как он рукой уперся в зеркало за моей спиной.

Хотя нет, это было в другой раз.

Господи, сколько же раз мы с ним занимались сексом?

Я чувствую, как мои брови ползут вверх.

– Вау.

Он дует в чашку, из которой поднимается витиеватый пар:

– Хмм?

– Да, мне кажется... тебе понравилось. Мы, должно быть, сделали это много раз.

– И где тебе понравилось больше всего? В гостиной? Или в спальне? Или на полу? В постели, у стены, у зеркала, у бара, снова на полу?

– Тссс! – шепчу я и поднимаю чашку, чтобы сделать маленький глоток кофе. И улыбаюсь в кружку. – Ты просто ненормальный.

– Моему пенису, кажется, нужен гипс.

Я прыскаю от смеха, и горячий кофе попадает мне в нос.

Но когда я вытираю салфеткой рот, улыбка Анселя исчезает. Он уставился на мою руку.

Черт, черт, черт. Я же не сняла кольцо.

Я не вижу его руки. И вчерашний безумный секс меня не сильно беспокоит. Мы ведь еще даже не начали разговор о том, что действительно важно: как нам теперь выпутываться из этой пьяной истории. Как все *исправить*. Это намного важнее, чем то, предохранялись ли мы или как неловко расстались. Безумные отношения на одну ночь ни к чему не обязывают, если только вы не настолько глупы, чтобы еще и пожениться.

Так почему я не сняла кольцо сразу, как только его заметила?

– Я н-н-н-н-е... то есть... – начинаю я, а он смотрит на меня, не моргая. – Я не хотела, чтобы оно потерялось, поэтому и не сняла. Вдруг оно настоящее или... или чье-то.

– Оно твое, – говорит он.

Я опускаю глаза на стол и замечаю между солонкой и перчатницей два обручальных кольца. Они мужские? И одно из них его? *О господи.*

Я начинаю медленно стягивать свое, но Ансель останавливает меня, перегибаясь через стол, и поднимает другую руку – на его пальце тоже до сих пор красуется кольцо.

– Не переживай. Я тоже не хотел его потерять.

Нет, это все слишком странно. То есть – слишком странно *для меня*. Меня как будто затягивает бурная волна. Я в панике! Мы женаты, и это не игра! Он живет во Франции, я переезжаю через несколько недель. Мы совершили огромную ошибку. И о господи, я не могу этого хотеть. Я же не сумасшедшая. И сколько надо заплатить, чтобы выбраться из этой заварушки?

Я решительно отодвигаюсь от стола. Мне нужно на воздух, мне нужны мои подруги.

– А как этот вопрос решают... остальные? – спрашиваю я, и так понятно, кого я имею в виду.

Он проводит рукой по лицу и оглядывается, как будто проверяет, рядом ли его друзья. Повернувшись ко мне, произносит:

– Я думаю, они встречаются в лобби в час. А потом, я полагаю, вы, девочки, планируете ехать домой.

Домой. Я вздыхаю. Три недели дома, с семьей, где даже очаровательная болтовня моих братьев, играющих в «Икс-бокс», не может скрасить брюзжание отца. И я снова вздыхаю: отец. Что, если он узнает об этом? Будет ли он тогда помогать мне оплачивать квартиру в Бостоне?

Я ненавижу зависимость от него. Ненавижу эту его легкую презрительную улыбочку, с которой он говорит мне, что я в очередной раз облажалась. А еще ненавижу, что меня сейчас, кажется, вырвет. Паника начинается с горячего комка в желудке и разливается обжигающей волной под кожей. Руки

немеют, на лбу выступает холодный пот. Мне нужно найти Лолу или Харлоу. Мне нужно уйти.

– Наверно, мне стоит найти девочек и идти уже собираться... – Я неопределенно машу рукой в сторону лифта и встаю, боль напоминает о себе, и у нее несколько причин.

– Миа. – Он тянется к моей руке, достает из кармана толстый конверт и смотрит мне в глаза. – Я должен кое-что тебе отдать.

Мое пропавшее письмо.

Глава 4

ПОСЛЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ я в больнице почти не плакала, мне казалось, что мне снится кошмар. Какая-то другая девушка, не я, за неделю до экзаменов в старшей школе переезжала на велосипеде Университетскую улицу и Линкольна. Кого-то другого, не меня, сбил грузовик, не остановившийся на красный свет. У другой Мии оказался раздроблен таз и сломана нога так, что кость торчала из бедра наружу.

Первые несколько дней я была в шоке и почти не говорила; постоянные капельницы с лекарствами притупляли боль. Но даже в этом затуманенном состоянии я была уверена, что все это какая-то ошибка. Я же балерина. Меня только что приняли в Балетную школу Джоффри. Даже когда врач объявил приговор, рыдала моя мать, но не я, потому что меня это не касалось. Он ошибался, мою карту подменили, он говорил о ком-то другом. У меня всего лишь легкий перелом. Еще, может, колено вывихнула. В любую минуту придет кто-нибудь более сообразительный и все объяснит. Должен прийти.

Но никто не пришел. А утром меня выписали, и я столкнулась лицом к лицу с тем, что отныне мне придется жить без танцев... и никакой морфин в мире не мог это заглушить.

Моя левая нога была сломана, а вместе с ней и мое буду-

щее, над которым я работала всю жизнь. Заикание, с которым я боролась все детство, вернулось, и отец, который потратил больше времени на изучение того, насколько доходной может быть моя карьера танцовщицы, чем на посещение моих концертов, старался не выдать своего торжества.

Полгода я почти не говорила. Делала то, что должна была делать: держалась. Внешне я исцелилась, а Лола и Харлоу присматривали за мной и никогда не пытались меня поддерживать фальшивыми улыбками и сочувствием.

Ансель ведет меня в тот же коридорчик, куда я отвела его ночью. Там, конечно, не так темно и не так уединенно, но я почти не замечаю этого, мои глаза прикованы к конверту, который он вложил в мою руку. Он даже не догадывается, насколько это важно, что последний раз я написала себе письмо в тот день, когда решила снова начать разговаривать, когда я сказала самой себе: надо смириться с тем, что прошлое не вернуть, и двигаться дальше. Я села тогда, написала все, что боялась сказать вслух, и постепенно начала жить заново. Вместо Чикаго, куда я планировала переехать, я направилась в Сан-Диего и наконец сделала то, что мой отец считал достойным: окончила с отличием колледж и поступила в самую престижную бизнес-школу в стране. В конце концов, у меня был выбор. И мне всегда было интересно, не было ли это подсознательной попыткой уехать как можно дальше от всего этого – и от отца, и от несчастного случая.

Помятый конверт порядком потрепан, видимо, его не раз

доставали из кармана. У меня дежавю – так напоминает то письмо, которое я читала и перечитывала сотни раз. В углу конверта какое-то пятно, с другой стороны отпечатался след от моей губной помады, но он все еще запечатан. Ансель не пытался его открыть, хотя, судя по выражению его лица, ему страшно любопытно, что внутри.

– Ты велела отдать его тебе сегодня, – говорит он тихо. – Я его не читал.

Конверт, толстый и тяжелый, лежит у меня в руке, кажется, там сотня страниц. Но когда я его открываю, оказывается, что все дело в моем почерке и в том, что я была пьяна: буквы огромные, строчки неровные, и на каждой странице всего-то слов по двадцать. Что-то я на него пролила, потому что несколько страниц слиплись и надорваны, как будто я запихивала их в конверт, даже не сложив как следует.

Ансель следит за тем, как я разбираю их по порядку и начинаю читать. По тому, как он смотрит на меня, не отрываясь, я чувствую, что ему интересно.

«Дорогая Миа. То есть я...»

Так оно начинается. Я сдерживаю улыбку. Я смутно помню, как, сидя на унитазе, изо всех старалась сосредоточиться на ручке и бумаге.

«Ты сидишь в туалете и пишешь это письмо, которое прочитаешь потом, потому что ты достаточно пьяна,

чтобы понимать, что многое завтра забудешь, но недостаточно пьяна, чтобы быть не в состоянии писать. Но я тебя знаю, потому что ты – это я, и мы обе знаем, что ты не умеешь пить и после джина вообще ничего не помнишь. Поэтому вот что я тебе скажу:

Его зовут Ансель.

Ты его поцеловала.

На вкус он как лимон и виски.

Ты сунула его руку себе в трусики, а потом вы несколько часов разговаривали.

Да, вы разговаривали.

Я разговаривала. Мы разговаривали. Мы рассказали ему все про несчастный случай и про нашу ногу... твою ногу... мою ногу.

Хм, это странно».

А я забыла об этом. Я смотрю на Ансея, и мои щеки заливают колющий румянец. Чувствую, как горят губы, и он тоже замечает это, потому что его взгляд скользит по ним.

– Я была так пьяна, когда это писала, – шепчу я.

Он только кивает в ответ, а потом кивает на письмо, давая понять, чтобы я не отвлекалась.

«Ты сказала ему, что ненавидишь разговаривать, но любишь двигаться. Рассказала ему все про танцы до несчастного случая и нетанцы после. Ты рассказала ему о том, ка-

ково это, лежать под горячим мотором. О двух годах физиотерапии и о попытках начать танцевать “для себя”. Потом ты рассказала ему о Люке и как он сказал, что как будто старая Миа умерла под тем грузовиком.

Ты рассказала ему об отце о том, что он сделает придурков из милых Брока и Джеффа.

О том, как сильно ты боишься провалиться и переезжать в Бостон. Если быть точнее, ты сказала: “Я хотела бы любить всю жизнь так, как люблю сегодня”, и он не засмеялся над тем, как глупо это прозвучало.

А теперь самая странная часть.

Ты готова?»

Я закрываю глаза, меня пробивает дрожь. Я не готова. Потому что это воспоминание скользит в моих мыслях: победа, срочность, облегчение. Я не готова вспомнить, что рядом с ним я чувствую себя в безопасности, как с ним легко. Я не готова признать, что он видел то, чего никто никогда не видел раньше. Я набираю воздуха в легкие и читаю следующие строчки.

«Ты не заикалась. Ты БОЛТАЛА».

Я ищу поддержки в глазах Ансея, но он ведь не знает, что написано в письме. Глаза его расширяются при виде моей реакции, он с трудом сдерживается, чтобы не заговорить.

Интересно, а он помнит все, что я ему рассказала?

«Так что вот поэтому ты предложила, а он быстро согласился, пьяно улыбаясь, будто это была лучшая идея, какую он когда-либо слышал, и, конечно, вам надо пожениться! Сейчас ты не можешь здраво мыслить, но я хотела написать тебе это, во-первых, потому что ты же можешь не помнить, почему. А вот почему. Не дури. Он, возможно, самый приятный человек из всех, кого ты знаешь.

Целую.

Миа, то есть я.

Р. С. Секса у вас еще не было. Но ты хочешь. Очень. Пожалуйста, пересни с ним.

Р.Р.С. Ты его только что спросила, собираетесь ли вы, а он сказал: “Посмотрим”».

Я аккуратно складываю письмо и дрожащими руками вкладываю его обратно в конверт. Кажется, мое сердце стало больше, возможно, соединилось с другим, новым, которое паникует и стучит отрывисто. Удары с удвоенной силой отскакивают от ребер и рвутся наружу.

– Ну? – спрашивает он. – Ты же знаешь, я умираю от любопытства.

– Я написала это до того, как мы... – Я поднимаю вверх левую руку, показывая ему золотой ободок кольца. – Последний раз я писала себе письмо... – начинаю я, но он сразу кивает. И земля уходит у меня из-под ног.

– Я знаю.

– Это я сделала тебе предложение?

Больше всего меня удивляет, что предложение вообще было. Это была не просто пьяная болтовня. Я помню, как он дразнил меня, говорил, что я поеду с ним во Францию, но все это нужно было обсудить, спланировать. Надо было взять машину, доехать... Нам нужно было подписать бумаги, заплатить, выбрать кольца, произнести клятвы, причем сделать это достаточно убедительно, чтобы никто не заподозрил, что мы пьяные вусмерть. Меня действительно впечатляет вот эта последняя часть.

Он снова кивает и улыбается.

– И ты сказал «да»?

Склонив голову чуть-чуть набок, он произносит:

– Разумеется.

– Но ты же даже не был тогда уверен, что хочешь заняться со мной сексом?

На этот раз он качает головой, а не кивает.

– Не смейся меня. Я хотел заняться с тобой сексом с той самой секунды, как увидел два дня назад. Но в прошлую ночь мы были действительно очень пьяные. И я не... – Он смотрит в сторону, в глубь коридора. – Ты вот ушла писать себе письмо, потому что волновалась, что можешь забыть о том, почему сделала мне предложение. И ты *забыла!* – Он поднимает брови, как будто ожидая подтверждения своих слов. Я киваю. – Но мы вернулись в отель, и ты была такая

прекрасная, и ты... – Он коротко вздыхает. Это так соблазнительно. Мне кажется, я вижу тень вздоха у него на губах. – Ты *хотела* этого. – Он наклоняется ко мне и медленно целует. – И я хотел этого.

Я переступаю с ноги на ногу, думая, как бы мне оторвать взгляд от его лица.

– Мы занимались сексом, Миа. Мы занимались сексом несколько часов, и это был самый прекрасный, самый страстный секс в моей жизни. И знаешь что? Есть кое-какие детали, которых ты не помнишь.

Конечно, я могу не помнить каждое прикосновение, но вот мое тело помнит прекрасно. Я и сейчас чувствую на коже его пальцы. У меня остались синяки, много, но есть и невидимые следы: я помню вкус его пальцев у меня во рту, как они скользили по моим ногам, как двигались внутри меня.

Но я не хочу сейчас говорить об этих возбуждающих воспоминаниях. Я хочу знать, что он помнит о нашей свадьбе, о том, что было до секса, когда я вывалила перед ним всю свою жизнь. Заниматься сексом с практически незнакомым человеком странно для меня, но не невыносимо. Невыносимо то, как сильно я открылась перед ним. Даже с Люком я никогда не разговаривала о некоторых вещах.

– Судя по всему, я тебе вчера много рассказала, – говорю я, закусывая и посасывая нижнюю губу. Там тоже синяк, и я вспоминаю, как он дразнил меня, прикусывая мои губы и лаская их языком и подушечками пальцев.

Он ничего не отвечает, глаза его не отрываются от моего лица, он как будто ждет, что я вот-вот пойму что-то важное, что он сам понял уже давно.

– Я рассказывала тебе о Люке? И о своей семье?

Он кивает.

– И о своей ноге?

– Я *видел* твою ногу, – напоминает он мне тихо.

Ну да, точно, он же видел. Он не мог не видеть длинный серебристый шрам от бедра до колена.

– Ты поэтому так дрожишь? – спрашивает он. – Потому, что я видел твою обнаженную ногу? Потому что я трогал ее?

Он знает, что не поэтому. Губы его расплываются в улыбке, которая говорит мне о том, что он знает мой секрет и просто издевается. Он все помнит, все – и свое достижение тоже: он меня разговорил.

– Это все джин, наверно, – предполагаю я.

– А я думаю, дело все-таки во мне.

– Я действительно была очень пьяна. Думаю, я просто забыла, что нужно нервничать.

Его губы так близко, что я чувствую их тень на своем подбородке.

– Нет, все-таки дело во мне, *Сериз*. Ты ведь не заикаешься сегодня утром.

Я вжимаюсь в стену, мне нужно пространство. Дело даже не в его влиянии – а в том, что мне нужно его внимание, мне нужно чувствовать его руки и губы. Все это из-за непрекра-

щающейся головной боли и из-за осознания того, что я вдруг оказалась замужем. Что бы там ни произошло, мне нужно с этим разобраться, а единственное, чего я сейчас хочу, это свернуться калачиком в постели.

– Мне как-то неловко от того, что я рассказала тебе все и при этом до сих пор не знаю ничего о тебе.

– У нас впереди целая куча времени, – облизывается он. – Пока смерть не разлучит нас.

Он, наверно, издевается. Я смеюсь от облегчения. Наконец мы снова шутим.

– Я не могу остаться твоей женой, Ансель.

– На самом деле можешь, – шепчет он, прикасаясь губами к уголку моего рта и языком трогая мою губу.

Сердце мое обрывается, я замираю.

– Что?

– Я хочу *любить всю жизнь так, как люблю сегодня*, – цитирует он.

Теперь мое сердце падает и разливается внизу живота.

– Я понимаю, как это звучит, – говорит он поспешно. – И я не безумец. Но ты заставила меня поклясться, что я не позволю тебе сорваться. – Он медленно качает головой. – И раз уж я обещал, я не могу аннулировать наш брак. По крайней мере до осени, до тех пор, пока ты не начнешь учебу. Я обещал, Миа.

Я откидываюсь назад и смотрю в его глаза, а потом он наклоняется ко мне и накрывает мои губы своими. Наверно, я

должна волноваться из-за всего этого, но он так действует на меня, что ни похмелье, ни осознание того, что мы натворили, не могут этого изменить.

Он припадает к моим губам, вбирая их в себя, а потом я чувствую его язык, на вкус он как апельсиновый сок и вода, и виноград. Его руки опускаются на мои бедра, поцелуи становятся глубже, яростнее. Меня возбуждает его приглушенный стон.

– Давай вернемся навер. – Дай мне почувствовать тебя снова.

– Миа! – Голос Харлоу разносится по коридору, пропахшему застарелым табачным дымом. – Черт, мы ищем тебя все утро! Я уже начала волноваться, не валяешься ли ты в сточной канаве или что-нибудь в этом роде!

Лорелея и Харлоу несутся по коридору. Харлоу останавливается прямо перед нами, упираясь ладонями в колени.

– Окей, все, больше никакого бега, – стонет она. – Кажется, меня сейчас вырвет.

Мы все ждем, с тревогой озираясь по сторонам в поисках какого-нибудь тазика, или корзины, или полотенца на худой конец, или просто двери на улицу. Наконец она выпрямляется и качает головой.

– Ложная тревога.

Повисает неловкое молчание, Лола и Харлоу неуверенно изучают нас.

– Ты в порядке, Миа? – спрашивает Лола.

Прикосновения Ансея и его уверенность в том, что мы женаты по-настоящему, моя головная боль и бунтующий желудок – все это в совокупности вызывает у меня жгучее желание опуститься на пол и свернуться калачиком прямо тут. И меня даже не слишком волнует, насколько чистый тут ковер.

– Всего лишь практически живой труп.

– Можно украсть ее на секундочку? – Харлоу спрашивает у Ансея, и ее тон удивляет меня. Харлоу никогда не просит, она всегда просто забирает то, что ей нужно.

Он кивает, но прежде чем я успеваю сделать шаг, он берет меня за руку и легонько касается кольца на пальце. Он не произносит ни слова, но это прикосновение красноречивее любых слов: он просит не уезжать из города, не поговорив с ним.

Лола ведет меня по коридору в лобби, где в тихом уголке стоят огромные кресла. Мы ныряем в плюшевую обивку и утопаем на несколько долгих мгновений в собственном похмелье.

– Ну, – произношу я.

– Ну, – говорят они хором.

– Что за хрень произошла сегодня ночью? – задаю я вопрос. – Почему никто из нас троих не воскликнул: «Вау, может быть, нам не стоит всем выходить замуж?»

– Угу, – соглашается Харлоу. – Я знала, что нам стоило бы быть более шикарными.

– Во всем виноваты те семь сотен шотов, которые мы выпили, – говорит Лола.

– А я склонна во всем винить впечатляющий член Финна. – Харлоу делает глоток из бутылки с водой, а мы с Лолой тяжело вздыхаем. – Нет, я серьезно! – восклицает она. – И этот сукин сын умеет с ним обращаться, скажу я вам. Он просто дьявол во плоти.

– Аннулирование, – напоминает Лола. – Можешь продолжать трахаться с ним и быть при этом свободной.

Харлоу трет ладонями щеки.

– Точно.

– А что насчет Анселя? – спрашивает Лола. – Что у вас было?

– Было... многое. – Я инстинктивно дотрагиваюсь пальцем до нижней губы. – Не уверена, что мы вообще спали. Мне крайне жаль, но я не помню ничего, хотя совершенно уверена, что мы делали все.

– И анал? – заговорщическим шепотом интересуется Харлоу.

– Нет! *Господи*. Положи десять долларов в свою коробочку для пошлых словечек! – говорю я. – Ты просто тролль!

– Бьюсь об заклад, французик на это вполне способен, – не сдается Харлоу. – Ты выглядишь так, словно тебя избили.

Смутные, мерцающие как огоньки во тьме воспоминания снова встают передо мной.

Вот он наваливается на меня, упираясь кулаками в подуш-

ку над моей головой.

Вот он сжимает со стуком зубы, когда я касаюсь языком головки его члена.

Вот моя рука упирается в огромное зеркало, я чувствую его дыхание на своей спине и шее, когда он входит в меня.

Его голос шепчет: «*Laisse-toi aller, pour moi. Иди ко мне*».

Я нажимаю тыльной стороной ладоней на глаза, пытаюсь отогнать эти образы и вернуться в реальность.

– А как насчет тебя и Оливера? – спрашиваю я Лолу, чтобы переменить тему.

Она пожимает плечами.

– Если честно, когда мы вышли из церкви, мы оба уже начали трезветь. Харлоу в их номере издавала всевозможные звуки. А вы с Анселем расположились в нашем номере.

– Ой, прости, – бормочу я.

– Мы просто гуляли по Стрипу всю ночь и разговаривали.

– Правда? – с изумлением спрашивает Харлоу. – Но он же такой горячий. И этот его австралийский акцент! Я бы с удовольствием послушала, как он говорит: «Полижи мой член».

– Еще пять долларов в коробочку скабрзностей, – замечает Лола.

– А как ты понимала, что он говорит? Хоть слово поняла? – спрашиваю я, смеясь.

– Ну, он лучше говорит, когда не так стесняется, – признает она, а потом откидывает голову на спинку этого огром-

ного кресла. – Он классный. Знаете, это странно. Вы знали, что он открывает магазин комиксов? Из нас троих именно меня Божья кара должна была бы настигнуть первой. Понимаете, он высокий и сексуальный и по-хорошему чокнутый, если вы понимаете, что я имею в виду. Но мы планировали аннулирование уже тогда, когда только ждали лимузин для молодоженов после церемонии.

Все это кажется нереальным. Я ждала, что в эти выходные буду принимать солнечные ванны, пить, танцевать и общаться с лучшими подругами. Я никак не ожидала, что у меня случится лучший секс в жизни и что я проснусь замужней женщиной. Повернув кольцо на пальце, смотрю на подруг и понимаю, что я единственная не сняла его.

Харлоу тоже замечает это.

– Мы встречаемся с ребятами в час, чтобы сходить в церковь и *аннулировать* брак. – Она смотрит строго и жестко, как будто подозревает, что в моей ситуации все слишком запутано и неоднозначно.

– Хорошо, – киваю я и замечаю, что Лола разглядывает меня слишком пристально.

– Это звучит не очень уверенно.

– Что Ансель говорил тебе в коридоре? – спрашивает Харлоу. Ее осуждение, словно еще один участник нашей беседы, сидит на соседнем кресле, недобро на меня поглядывает, скрестив руки на груди. – Он целовал тебя. А сегодня целоваться уже не положено. Сегодня нам положено страдать

от похмелья и обмениваться смешными деталями того, как однажды-мы-все-вышли-замуж-в-Вегасе, чтобы создать историю, которую будем вспоминать следующие тридцать лет. Уже не время для любезностей и поцелуев, Миа. Только похмелье и сожаления о содеянном.

– Хм... – Я тру виски. Не сомневаюсь, окажись Харлоу в такой ситуации, она бы переступила через любые чувства без сожалений, но я ничего не могу поделать, у меня есть эти чувства. Он мне нравится. Мне также нравится, как он смотрит на меня, нравится касаться губами его губ. Нравится вспоминать, какие звуки он издает, когда трахает меня, и как путает английские и французские слова, когда кончает. Я хочу снова сидеть на диванчике в баре, и чтобы на этот раз ОН говорил.

Что странно, я думаю, если бы мы не поженились этой ночью, велика вероятность, что так бы оно все и было.

– Господи, Миа, – бормочет Харлоу себе под нос. – Я люблю тебя, но ты меня просто убиваешь.

Я игнорирую ее замечание. Понятия не имею, как Лола отреагирует на мою нерешительность. Она гораздо терпимее Харлоу, сторонник теории «живи и дай жить другим», она где-то посередине между мной и Харлоу в том, что касается случайных связей. Поэтому, а еще потому, что никто из нас до этого не выходил спонтанно замуж за иностранца (когда-нибудь это действительно будет очень весело вспоминать!), Лола наверняка будет более сдержанна в своих реак-

циях, поэтому я адресую свой вопрос ей:

– Он говорит, что мы можем... можем остаться мужем и женой.

Вот. Кажется, вот так получается вполне нейтрально.

Она молчит в ответ.

– Я так и *знала*, – шепчет Харлоу.

Лола по-прежнему многозначительно молчит.

– Я написала себе письмо, до того как мы переспали, – объясняю я осторожно. Эти две женщины, как никто в мире, желают мне добра. Но я не знаю, вдруг их ранит то, что я чувствую себя такой защищенной и уверенной рядом с Ангелом.

– И? – переспрашивает Харлоу. – Миа, это важно! Ты не могла с нами сначала поговорить?

– Я знаю, знаю. – Я вжимаюсь в спинку кресла. – И еще я, кажется, рассказала ему... ну... всю свою историю.

Они обе понимают, что это значит, но не комментируют, а ждут, что я еще скажу.

– И я... говорила несколько часов. Я не заикалась и не думала, что говорю.

– Да, ты действительно много говорила. – Лола поражена. Глаза Харлоу сужаются.

– Но ты же не можешь всерьез остаться его женой, – заявляет она. – Женой незнакомца, которого вчера встретила в Вегасе и который живет в пяти тысячах километров отсюда.

– Ну, когда ты говоришь так, это действительно кажется

невозможным.

– А как я должна говорить, Миа? – взрывается она. – Ты совсем рехнулась?!!

Рехнулась ли я? Да, абсолютно.

– Я думаю, мне... нужно время, – отвечаю я.

Харлоу сердито вскакивает и оглядывается по сторонам, словно ищет в лобби кого-нибудь, кто может помочь ей убедить лучшую подругу в том, что та потеряла рассудок. Сидящая напротив меня Лола внимательно изучает мое лицо, сощулив глаза.

– Ты уверена? – спрашивает она.

Я хмыкаю:

– Я вообще ни в чем уже не уверена.

– Но ты точно знаешь, что не хочешь аннулировать ваш брак сейчас?

– Он говорит, что все равно не станет его аннулировать сегодня, якобы он пообещал мне, что не сделает этого.

Ее брови взлетают высоко на лоб, она откидывается назад с изумленным видом:

– Он обещал тебе?!

– Он так сказал. Что я заставила его поклясться.

– Самое смешное во всем этом... – начинает Харлоу, но Лола перебивает ее:

– Что ж, парень заработал несколько очков в моих глазах. – Она моргает и кладет ладонь на руку Харлоу, чтобы успокоить ее. – Пойдем, милая. Миа, мы скоро вернемся,

чтобы собрать вещи и ехать домой, ладно?

– Ты шутишь? Мы... – начинает Харлоу, но Лола останавливает ее взглядом. – Отлично.

За стеклом входной двери я вижу Оливера и Финна, которые ждут их на остановке такси. Ансея нигде не видно.

– Ну, удачно вам разжениться, – говорю я с легкой улыбкой.

– Тебе повезло, что я люблю тебя, – бросает Харлоу через плечо, встряхивает волосами и позволяет Лоле себя увести. – Иначе я бы тебя просто убила.

* * *

ЛОББИ КАЖЕТСЯ слишком пустым и тихим после их ухода, и я ищу глазами Ансея, вдруг он наблюдает за всем из темного уголка, ждет, когда я останусь одна. Но его нет в лобби. И я понятия не имею, где он может быть. Я осталась только из-за него. Даже если бы у меня был номер его телефона, я бы все равно не могла ему позвонить, потому что у меня нет телефона. А если бы даже и был, я понятия не имею, где от него зарядка. Пьяная я напрочь забываю о своих вещах.

Единственное, что я могу придумать – это подняться наверх, в номер отеля, чтобы снова принять душ и собрать вещи, и попытаться найти хоть какой-то смысл во всей этой неразберихе.

Как только я переступаю порог номера, воспоминания о проведенной здесь ночи обрушиваются на меня. Я покрепче закрываю глаза, чтобы не упустить ни одной детали.

Его руки на моих ягодицах, на груди, на бедрах. Его твердый и большой член упирается в мое бедро. Его губы скользят по моей шее, оставляя засосы...

Воспоминания прерывает тихий стук в дверь.

Разумеется, это он. Свежий после душа и такой же растерянный, как и я. Он входит в комнату вслед за мной и садится на край кровати.

Поставив локти на колени, он смотрит на меня из-под челки, которая закрывает ему глаза. Взгляд его так выразителен, что я чувствую, как мурашки бегут у меня по рукам. Он заявляет сразу:

– Я думаю, ты должна поехать на все лето во Францию.

Я могла бы привести сотни доводов, доказывающих абсурдность этого предложения. Во-первых, я его не знаю. Во-вторых, я не говорю по-французски. Билеты туда стоят безбожно дорого. И где я буду жить? И что я буду делать все лето в чужой стране с почти незнакомым иностранцем?!

– Я уезжаю в Бостон через несколько недель.

Но он уже качает головой.

– В Бостон тебе ехать не раньше начала августа.

Я чувствую, как мои брови ползут вверх. Я действительно рассказала ему всю свою жизнь в подробностях. Не могу понять, что я должна сейчас чувствовать: удивление, что он все

это помнит, или вину, что заставила его все это слушать. Я наклоняю голову в ожидании. Большинство девушек сейчас что-нибудь уже сказали бы. Великолепный мужчина предлагает нечто потрясающее. Но я просто жду, что еще он скажет.

Он облизывает пересохшие губы. Кажется, он понимает, что я пока не готова ответить на его предложение.

– Просто выслушай меня. Ты можешь жить у меня, в моей квартире. У меня хорошая работа, я смогу прокормить и обеспечивать тебя в течение всего лета. Да, я много времени провожу на работе, это правда. Но ты могла бы... – Он отворачивается и смотрит в пол. – Ты могла бы просто получать удовольствие от города. Париж – самый красивый город в мире, *Сериз*. И там всегда можно найти себе занятие. У тебя было несколько по-настоящему трудных лет, и может быть, будет неплохо провести беспечное лето во Франции. – Он снова поворачивается ко мне и тихо добавляет: – Со мной.

Я подхожу к постели и сажусь на расстоянии от него. Горничная уже сменила белье и убрала тот беспорядок, который мы устроили, так проще делать вид, что прошлая ночь случилась с кем-то еще.

– Мы друг друга почти не знаем, это правда, – признает он. – Но я вижу, ты сомневаешься по поводу Бостона. Ты ведь бежишь туда от отца. Бежишь, чтобы двигаться вперед. А может быть, тебе просто нужно сделать паузу, чтобы *выдохнуть*. За последние четыре года, с момента несчастного случая, ты хоть раз позволяла себе это?

Мне хочется, чтобы он продолжал говорить. Да, я слишком мало его знаю, чтобы любить, но я могу любить его голос. Мне нравится этот богатый оттенками тембр, его округлые гласные и мягкие согласные. Его голос танцует. Он не может быть резким, грубым или острым.

И тут я понимаю, что это не так. Я же помню, как требовательно он звучал ночью:

«Обопрись руками на стену.

Я больше не могу ждать, Сериз.

Покажи мне, как сильно тебе нравится ласкать его языком».

Мне нечего ответить на его предложение, и я молчу. Я подтягиваю к себе подушку и устало откидываюсь на спину. Он ложится рядом, и я обнимаю его. Одна рука скользит по его груди, а вторую я запускаю в волосы. Я глажу его и вспоминаю, как сильно мне нужно вытянуть руки, чтобы его обнять, как он дрожит под моими ладонями. Я утыкаюсь носом в комочек мышц между его шеей и плечом, вдыхая его запах, запах гостиничного мыла и океанских брызг.

Ансель поворачивается ко мне, всего один раз целует меня в шею, подбородок, губы и замирает с открытыми глазами. Его руки скользят по моей спине, ягодицам, бедрам вниз, к коленям, он подтягивает меня к себе и укладывает поудобнее. Я чувствую, как между ног у меня нарастает желание, чувствую, как сильно я хочу его. И чувствую, как увеличивается и давит его член. Но вместо того чтобы воспользоваться

этим, мы засыпаем.

Когда я просыпаюсь, вижу на пустой подушке листок бумаги. Он оставил свой номер телефона и пообещал быть рядом, когда он мне понадобится, и исчез.

* * *

ИНТЕРЕСНО, сколько тысяч таких поездок было из Вегаса в Калифорнию: горячий ветер колотится в окна машины, похмелье, сожаления, повисшие в воздухе, как один плоский аккорд, который проходит красной нитью через весь альбом.

– Мне нужно съесть что-нибудь жирное, – стонет Харлоу, и Лола сворачивает с шоссе на парковку. После жареного сыра и картошки фри Харлоу говорит:

– Не могу понять, почему ты все-таки не подала заявление об аннулировании брака, пока мы были еще там? – Она окунает картошку в кетчуп и с раздражением бросает ее на тарелку. – Теперь тебе придется туда возвращаться или проходить через все эти сложности и юридические тонкости другого штата. Расскажи мне все в подробностях, чтобы мне расхотелось тебя бить.

Объективно Ансель потрясающий, а секс с ним явно был нелепой затеей, но она понимает, что я не такая слабая, чтобы рассматривать хороший секс как достаточное основание для принятия такого опрометчивого решения. Все дело в письме. Я никогда не вела дневник. Я почти не пишу писем

Харлоу, когда она уезжает за границу на съемки к отцу. Но я столько раз читала то письмо, написанное после аварии, что бумага истерлась и стала похожей на высушенный цветочный лепесток, а чернила стали почти невидимыми. Письмо самой себе – это странное, священное явление. И пусть я не уверена, что это была хорошая идея, я все же должна считаться с тем, что заставило меня его написать.

– Что ты теперь будешь с этим делать? – спрашивает Лола, когда я заканчиваю делиться всеми грязными подробностями той ночи.

Я пожимаю плечами.

– До сентября попытаюсь понять, почему я захотела выйти замуж за этого человека. А потом, наверно, аннулирую брак.

Глава 5

ЛОЛА отвозит меня домой. Мои младшие братья играют в гостиной на «Икс Бокс», а когда я захожу на веранду, отец протягивает мне бокал вина.

– За нашу бриллиантовую девочку, – говорит он, поднимая бокал. Он снисходительно улыбается мне, а потом обнимает маму, и солнце красиво подсвечивает их силуэты. Уверена, он с удовольствием вставил бы этот кадр в рамочку. – Не сомневаюсь, что твои последние сумасшедшие выходные удались, но как твой отец я не хочу ничего слышать об этом! – Он смеется над своей маленькой шуткой, а я думаю, что она бы мне тоже понравилась, не будь моя история такой опасной. – Отныне, я надеюсь, твое будущее – это только стремление к победе и успех.

Я нехотя чокаюсь с отцом и слежу за выражением его лица, пока он оглядывает меня с ног до головы. Я сегодня дважды принимала душ, но в своей черной футболке и рваных джинсах все еще выгляжу как смерть. Его глаза скользят по моим губам, потом по шее, синяки и красные пятна на которой я безуспешно попыталась замаскировать серым шарфом из джерси. Его улыбка быстро превращается в гримасу отвращения, но, он, кажется, не замечает обручальное кольцо на моей руке. И я осторожно прячу ее в карман.

Он ставит бокал на барную стойку и отходит от мамы.

– Успешные бизнесвумен – *леди*, – цедит он сквозь зубы. И я чувствую странное удовлетворение, зная, как он наслаждается этим моментом. Последние четыре года я была образцом ответственности и амбициозности, у него не было возможности как следует меня покритиковать. А вот сейчас он в своей тарелке – моему отцу гораздо удобнее унижать, чем хвалить.

– Мы поехали в Вегас отпраздновать выпускной, пап. И мы не стали там проститутками.

Нет, Миа, ты просто вышла замуж за незнакомца.

– Тебе придется потрудиться, чтобы заслужить признание в Бостоне. При том, что мне категорически не нравилось думать, что ты до конца своих дней будешь танцовщицей, я по крайней мере восхищался твоим упорством. А сейчас ты только-только окончила колледж, возвращаешься домой и выглядишь при этом так... – Он качает головой. – Я даже предположить не могу, чем ты занималась. Ни один нормальный мужчина не захочет работать на бродяжку, которая приходит на работу с распухшими губами, вся в засосах, вся прокисшей выпивкой. Приведи себя в порядок, Миа.

Мама задыхается от возмущения и смотрит на него так, словно собирается возразить его нелепой тираде. Но ее решимость испаряется, как только она натывается на его взгляд. Он уходит в дом, хлопнув дверью и оставив свой бокал на стойке бара. Мама произносит только:

– О, милая...

– Не надо, мам. Я в порядке.

Не хочу, чтобы она вставала на мою сторону. Я скоро уеду, а ее жизнь будет гораздо легче, если она останется в Команде Дэвида. Она бросает на меня растерянный взгляд и следует за отцом в дом.

Стеклянная дверь закрывается не плотно, и я все еще слышу отца: *«Она когда-нибудь чему-нибудь научится? Только через мой труп она упустит эту возможность!»*

Я смотрю на идеальный садик моей мамы: безупречная лужайка, шикарные пышные клумбы, белоснежный заборчик – и чувствую себя как сорняк посреди всего этого. Мне всегда казалось, что здесь я не на своем месте. И сейчас я ощущаю себя полной неудачницей.

* * *

К ОТКРЫТИЮ ЗООПАРКА САН-ДИЕГО обычно не бывает толп. Но за Домом рептилий и Стадионом находятся экспозиции, около которых всегда пусто, даже когда зоопарк переполнен туристами. Я люблю это – искать покой среди хаоса. И здесь мне лучше всего думается.

Утром во вторник я проталкиваюсь сквозь толпу туристов и семей с зелеными пластиковыми браслетами зоопарка, поворачиваю налево сразу за вольером с фламинго и оказываюсь в своем секретном убежище. Мне нужно подумать о том, что взять с собой в Бостон, и о том, как бы мне организовать

все так, чтобы уехать отсюда уже на следующей неделе, а не ждать еще три.

Нужно обдумать, какую работу искать: официантка, продавщица, кассирша. Или секретарь. А может быть танцовщицей в ночном клубе, просто чтобы позлить моего папашу с другого конца страны? Мой разум старательно отвергает идею пойти работать инструктором по танцам. Я сворачиваю за вольер и иду к своей любимой скамейке. Сажусь и вздыхаю долго и тяжело.

О чем мне точно НЕ нужно думать, так это о том, что Ансель сейчас наверняка летит в Париж.

– Ты права, – вдруг со стороны дорожки раздается знакомый глубокий голос. – В этой стороне зоопарк действительно на удивление пусто.

Я не верю собственным ушам. Я вижу Анселя, который идет по мощеной дорожке. Он подходит, опускается на скамейку и закидывает руку на спинку, обнимая меня. Пальцы его правой руки пробегают по моему плечу.

Я теряю дар речи.

Знакомое ощущение, но только причины на этот раз совсем другие. Я теряю дар речи скорее от неожиданности, чем от застенчивости.

– Ш-ш-ш... – начинаю я, округлив глаза.

Он ждет. Спокойно скользя теплыми и мягкими кончиками пальцев по моей коже.

– Что ты здесь делаешь? Как ты узнал, что я...

– Ты же сама говорила, что приходишь сюда думать. Говорила, что тебе нравится эта часть зоопарка, я и запомнил, – говорит он, глядя по сторонам. – Я совсем этого не понимаю. Тут же сплошной бетон и спящие ящерицы. Впрочем, может быть, это потому, что я провел здесь всего лишь час? – Он склоняет голову набок и тепло улыбается, будто он никакой не маньяк. – И я здесь потому, что не могу быть далеко от тебя, Миа. Ты же моя жена.

Должно быть, мои и без того выпученные глаза становятся еще шире от ужаса. Он разразился смехом, убрав руку и поставив локти на колени. – Прости. Это было нехорошо с моей стороны. Я в Сан-Диего потому, что вечером улетаю из местного аэропорта. Оливер встречался здесь с архитектором, который будет переделывать его магазин, и это была последняя возможность повидаться перед долгой разлукой. Мы приехали вместе вчера ночью, а сегодня я пришел сюда в надежде, что ты сказала правду и действительно ходишь сюда думать. И может быть, даже придешь подумать немножко обо мне, – добавил он, искоса поглядывая на меня и нежно улыбаясь. – Клянусь, я пошутил.

– И все-таки ты пришел сюда меня искать, – напоминаю я, отодвигаясь.

Он сует руку в задний карман и протягивает мне сложенный листок бумаги. Развернув его, я вижу, что это копия нашего свидетельства о браке.

– У тебя не было копии. Ты даже не знаешь, как пишется

моя фамилия, а я об этом не подумал. Конечно, я мог бы тебе позвонить, но мне хватило ума оставить тебе свой номер, но твой я не узнал.

Я чувствую себя совершенной идиоткой. Он действительно проделал весь этот путь, чтобы привезти мне документы, а я ему даже номер телефона не оставила!

– Спасибо, – говорю я тихо.

– Конечно.

Я снова придвигаюсь, кладу ладонь ему на руку, и адреналин в крови снова зашкаливает. И тут я понимаю, как неприлично рада его видеть.

– Подожди-ка, так Оливер открывает магазин в Сан-Диего? – Вот уж не думаю, что Лола знала, что его магазин будет в нашем городе!

Он кивает, берет мою ладонь и целует ее.

– Он переезжает сюда через пару недель. Ну, и потом, мне же надо было быть уверенным, что у тебя есть все, что нужно, пока ты не уехала. – Он показывает на бумагу, которую я держу в руке, и продолжает: – Я не хотел посылать тебе это почтой, не хотел, чтобы твой отец случайно это увидел. – Я сглатываю, пораженная его заботливостью и предусмотрительностью. – Я собираюсь вернуться в отель и немного отдохнуть. Мне предстоит сегодня долгий перелет.

– Во сколько ты летишь?

Он моргает и в задумчивости хмурит брови.

– Около одиннадцати?

Он сует руку в карман, но я замечаю, что обручальное кольцо все еще блестит у него на пальце. Бросив взгляд на мою руку, он видит, что и у меня тоже.

– Адрес моей электронной почты – фамилия и имя слитно, и Xmail, – говорит он. – Мы можем все организовать в сентябре.

– Хорошо, – киваю я в ответ.

Он наклоняется, целует меня в макушку и шепчет:

– Я буду в «Хилтон Бейфронт» где-то до восьми. И я купил для тебя билет с открытой датой в Париж.

Поднявшись, он потягивается и широко улыбается при виде моей отвалившейся челюсти.

– Как видишь, я оптимист. Или безумец. Зависит от точки зрения.

Может быть, он и безумец, но задница у него что надо.

Посидев еще немного на скамейке среди бетона и ящериц, я медленно бреду домой, тщетно пытаясь собраться с мыслями.

Уже надумала сходить к Лоле и пообедать с ней и Греггом, но потом представила, что она как раз выкладывает отцу все подробности наших безумных выходных. Уверена, он смеется как ненормальный, а я вовсе не хочу сейчас быть объектом для насмешек. Было бы здорово поваляться на пляже у Харлоу в Ла-Холья, но искренние любовь и внимание друг к другу в доме Вега напомнят мне о собственных не самых простых семейных отношениях.

Поэтому я еду в центр.

* * *

АНСЕЛЬ ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ и расплывается в широкой улыбке, которая медленно исчезает, когда он видит, что я с пустыми руками, без чемодана. При мне нет ничего, кроме маленькой сумочки, ремень которой перекинут через грудь.

– Я не могу поехать с тобой во Францию, – начинаю я, глядя на него широко распахнутыми глазами. Жилка на моей шее бьется в бешеном ритме. – Но и домой я тоже идти не хочу.

Он делает шаг в сторону, чтобы пропустить меня, и я бросаю на пол свою сумочку и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Есть только одна причина, по которой я пришла сюда, в этот гостиничный номер, и я думаю, мы оба это понимаем. Легко притворяться любовниками в кино, которые встречаются в отеле, чтобы провести вместе последнюю ночь. Мне даже не нужно набираться смелости, потому что я в безопасности: он уезжает. Все это похоже на игру. Игра. Роль.

Не знаю, какая именно Миа завладела моим телом, но я забываю обо всем. Кроме одного – каково быть рядом с этим парнем. Мне нужно сделать всего шаг навстречу, и он уже ловит меня на полпути, запускает обе руки в мои волосы и

накрывает губы поцелуем. От его одежды пахнет океаном, свежей зеленью и немножко мной.

О, этот его вкус. Я хочу чувствовать его всего, хочу, чтобы ни одной мысли не оставалось в голове. Хочу, чтобы его губы были везде, чтобы он посасывал меня, да, вот так. Мне нравится, как он ласкает мои губы, как после всего одной совместной ночи его руки хорошо знают мою кожу.

Он ведет меня к постели, его язык, губы, зубы на моих щеках, губах, подбородке. Я опрокидываюсь назад, когда мои колени касаются основания постели.

Он хватается за подол моего платья и срывает его с меня, легким движением пальцев расстегивает лифчик. Он заставляет меня чувствовать, что я открываю что-то, чем можно наслаждаться. Я словно трофей, награда, которую он получает в конце волшебного фокуса, когда падает бархатная завеса. Глаза его скользят по моей коже, и я чувствую его нетерпение: рубашка летит через всю комнату, пальцы дрожат, когда он вцепляется в ремень на брюках, язык щелкает в отчаянном поиске меня и моего вкуса.

Ансель остается полураздетым, опускаясь на колени на полу между моих бедер, он всасывает меня, целует прямо сквозь ткань трусиков. Он нетерпеливо грызет и дергает, сосет и облизывает, прежде чем белье соскальзывает по моим ногам.

Я задыхаюсь, когда он подается вперед и медленно и долго лижет нежную кожу. Его дыхание обжигает крошечными ог-

ненными вспышками, когда он целует клитор, лобок, внутреннюю поверхность бедер. Я приподнимаюсь на руках, чтобы видеть его.

– Скажи мне, как ты хочешь, – говорит он хрипло.

Я вспоминаю, что он доводил меня до оргазма руками и телом, но не ртом. И чувствую, что это надо исправить, гадая, как сильно придется ему постараться, чтобы я дошла до точки и была готова к тому, чтобы он в меня вошел.

На самом деле я сама не очень представляю, что мне нужно. Оральный секс для меня всегда был лишь прелюдией, остановкой по пути к чему-то еще. Что-то, что помогало мне возбуждаться, стать мокрой, разбудить мое тело. И никогда оральный секс не заставлял меня дрожать, обливаться потом и выкрикивать грязные словечки.

– Соси, – застонала я.

Он открывает рот, всасывая меня вместе с воздухом – слишком сильно.

– Не так сильно. – Я закрываю глаза, чтобы набраться храбрости и сказать ему: – Так, как ты сосешь мою губу.

Это как раз то, что ему было нужно услышать, и я откидываюсь на матрас, в голове нет ни одной мысли, я раздвигаю ноги шире, и это сводит его с ума. Он кладет ладони на внутреннюю поверхность моих бедер, не давая мне их сдвинуть, звуки проникают в меня, проходят насквозь.

Он убирает одну руку, и я чувствую, как он двигается, чувствую, как он надавливает. Приподнявшись на локте, я

смотрю вниз и вижу, что он трогает себя, не сводя с меня глаз, он весь горит.

– Дай мне! Я тоже тебя хочу! – умоляю я.

Не знаю, откуда приходят ко мне эти слова. Это не я. С ним я вообще не бываю собой. Он кивает, но не останавливается. И мне это нравится. Нравится, что это не вызывает у меня отвращения или ощущения табу. Он весь во мне, он слишком возбужден, и, доставляя удовольствие мне, он хочет насладиться сам.

Он так страстно целует меня, сосет, лижет, а я боюсь, что не смогу кончить и все его старания пойдут прахом. Но затем я чувствую, как тянет низ живота, и это ощущение с каждым вздохом все сильнее и сильнее растекается по коже. Я хватаю его за волосы, покачиваясь в такт.

– О боже!

Он стонет, рот его горит, глаза широко распахнуты, он весь дрожит.

Я наслаждаюсь тем, как вздуваются мои сухожилия, мышцы, как кровь горячим потоком стучит по венам. Чувствую, как весь этот поток устремляется вниз, к бедрам, и взрывается фейерверком между ног. Я задыхаюсь, хриплю, издаю какие-то несвязные звуки, не в силах произнести хоть одно слово. Эхо моего оргазма еще звенит в воздухе, когда я без сил откидываюсь назад, на подушки.

Я как в тумане, отталкиваю его и сажусь. Он поднимается на ноги, брюки все еще болтаются на бедрах. Я смотрю

на него снизу вверх и в свете лампы из ванной вижу, какой влажный у него рот. Он как будто охотился на меня и как будто поймал и проглотил.

Он вытирает лицо рукой и подходит ближе к постели, а я наклоняюсь вперед и беру его член в рот. Он отчаянно кричит:

– Я сейчас кончу!

Это предупреждение. Я чувствую это по тому, как судорожно сжимаются его бедра, как напряжена головка его члена, как он вцепляется в мои волосы, как будто хочет задержаться, продлить этот момент, но не может. Он трахает мой рот, кажется, уже понимая, что все в порядке, и после всего шести фрикций между моим языком, зубами и губами загоняет член мне почти в самую глотку с протяжным глухим стоном.

Я вынимаю его изо рта, и он дрожащим пальцем проводит по моей губе, когда я глотаю его сперму.

– Как хорошо, – выдыхает он.

Я откидываюсь на подушки и чувствую себя так, словно у меня вообще нет никаких мышц. Я тяжелая и неповоротливая, и единственное, что я чувствую, кроме тяжести пережитого удовольствия между ног, что я улыбаюсь.

Комната вся розовая в лучах заходящего солнца, струящихся через окно. Ансель нависает надо мной на вытянутых руках, тяжело дыша. Его взгляд скользит по моему телу, останавливается на груди, он улыбается, когда мои соски

вдруг напрягаются.

– Прошлой ночью я оставил следы по всему твоему телу. – Он наклоняется и дуёт на один сосок. – Прости.

Я смеюсь и игриво ерошу ему волосы.

– Что-то не слишком искренне звучат твои извинения.

Он усмехается и снова любит дело своих рук (и не только рук!), а я инстинктивно скрещиваю руки на груди, чтобы прикрыться. В танцах моя маленькая грудь была достоинством, никаких излишних подрагиваний. Но в сексе мой 32В вряд ли тянет на то, чтобы считаться козырем.

– Что ты делаешь? – спрашивает он, убирая мои руки и одновременно стягивая с себя брюки. – Поздновато стесняться, тебе не кажется?

– Я чувствую себя... маленькой.

Он смеется.

– Ты и есть маленькая, *Сериз*. Но мне нравится каждый маленький дюйм твоего тела. Я так давно не видел тебя, несколько часов. – Он склоняется и обводит мой сосок языком. – У тебя чувствительная грудь, как я выяснил.

Мне кажется, у меня чувствительно *все*, когда он меня касается.

Его ладонь ласкает одну грудь, пока он целует вторую, его язык описывает маленькие круги вокруг соска. И это немедленно отзывается восхитительной пульсацией у меня между ног. Думаю, он это знает, потому что рука его скользит вниз от груди по моему животу, касается пупка и ныряет в про-

межность, но язык при этом не прекращает вращаться.

И вот его пальцы здесь, два он прижимает к половым губам и повторяет круговые движения языка в том же ритме, как будто между ними и языком натянута тонкая невидимая нить. Движения становятся все настойчивее, все сильнее. Я выгибаюсь на постели навстречу его пальцам и, обхватив его голову руками, хрипло умоляю: «*Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста...*»

Тот же ритм, пальцы и язык, и я боюсь, что потеряю сознание, сойду с ума или просто исчезну, превращусь в ничто, рассыплюсь на кусочки, когда он всасывает мой сосок, нажим пальцев становится сильнее, а потом он останавливается, чтобы спросить меня:

– Не хочешь еще разок дать мне послушать, как ты кончаешь?

Я не знаю, смогу ли я пережить это. Но без этого я просто умру.

С ним мой голос становится хриплым и в то же время громким, я не сдерживаюсь, не думаю о том, что вырывается из моего рта, я вообще ни о чем не думаю. Я просто отдаюсь ему вся, он страстно ласкает мою грудь, я выгибаюсь и кричу: «*Сейчас! Сейчас!*»

Три пальца входят в меня, он крепко прижимает ладонь. Наслаждение такое сильное, что даже больно. А может быть, это от понимания, что все так легко и так прекрасно, или от того, что я понимаю, что мне либо нужно бросить его,

либо сделать что-то, чтобы заставить его остаться со мной. Оргазм длится так долго, что я, кажется, кончаю не один, а несколько раз подряд. Он такой долгий, что Ансель успевает оставить в покое мою грудь и переместиться к лицу, всасывая мои стоны и крики вместе с поцелуями. И он достаточно долгий, чтобы он успел сказать мне, что я самое прекрасное, что он когда-либо видел в своей жизни.

Мое тело постепенно успокаивается, и его поцелуи становятся все нежнее, пока не превращаются в легкие прикосновения его губ к моим. Я уже не понимаю, где его губы, а где мои, мы становимся одним целым.

Ансель перекачивается на край постели, чтобы достать презерватив из кармана джинс.

– Ты не слишком устала? – спрашивает он, доставая презерватив из упаковки.

Я очень устала. Но я не думаю, что вообще могу так устать, чтобы отказаться от него. Я очень хочу запомнить, каково это. Тех отрывочных воспоминаний, которые сейчас хранятся в моей памяти, будет недостаточно, если мне придется сегодня с ним попрощаться. Я не говорю этого вслух, просто притягиваю его к себе, разводя ноги в стороны.

Он встает на колени, брови его сосредоточенно нахмурены, пока он натягивает презерватив. Мне хочется схватить телефон и сфотографировать его – это тело и это серьезное, сосредоточенное выражение лица. Мне нужна эта фотография, чтобы я могла потом говорить: «*Вот, Миа, смотри, ты*

не ошибалась, эта кожа действительно такая нежная и гладкая, как ты помнишь». Мне хочется как-то сохранить, сберечь в памяти то, как дрожат от возбуждения его руки.

Закончив, он кладет руку мне под голову, а другой направляет член внутрь меня. В ту секунду, когда я чувствую внутри его тяжесть, я вдруг понимаю, что никогда в жизни не испытывала подобного желания, мое тело хочет поглотить его.

– Поехали со мной, – говорит он, медленно двигаясь вперед, а потом назад. Пытка. – Пожалуйста, Миа. Только на лето.

Я отрицательно качаю головой, не в силах найти слова, и он стонет от разочарования и наслаждения, медленно двигаясь внутри. Я не дышу, просто не могу вздохнуть, забываю о том, что мне надо дышать, и обхватываю его ногами, чтобы он мог войти глубже, чтобы я могла почувствовать его всего, везде. Его член тяжелый, большой и твердый настолько, что, когда он входит в меня глубоко и его бедра касаются моих, это почти больно. Он заставляет меня задыхаться, чувствовать, как будто в моем теле недостаточно места для него и воздуха одновременно. Но при этом никогда и ничто не доставляло мне такого удовольствия.

Я бы сказала ему, что изменила свое решение и поеду с ним, если бы могла найти слова, но он заводит мои руки за голову и начинает двигаться, и это ощущение не похоже ни на какое другое. *Ни на какое другое.*

Мне больно, но так невыносимо сладко, что я даже немно-

го страшусь мысли, что это когда-нибудь закончится.

Он нежно разогревает меня, глаза его не отрываются от моего лица, когда он медленно выходит из меня, а потом еще медленнее входит обратно, накрывая своими губами мои. Но когда я касаюсь языком его зубов, он вдруг подается вперед, резко и неожиданно, и я слышу свой собственный сдавленный вздох, и это словно разбивает какую-то преграду внутри него. Его движения сильные, но плавные, при этом он слегка вращает идеальными бедрами.

Я не знаю точно, сколько раз и сколько времени мы занимались сексом прошлой ночью, но он, видимо, хорошо представляет, что именно мне нужно, и ему, кажется, нравится доставлять мне удовольствие. Он поднимается на локтях, опираясь на колени между моих сплетенных ног, и я заранее знаю: когда я кончу, это будет нечто, чего я никогда раньше не испытывала.

Я слышу его прерывистое дыхание и свои собственные резкие выдохи. Слышу, как хлопают его бедра по моим и как он звучно входит и выходит.

Мне не нужны его пальцы, не нужны мои пальцы, не нужны никакие игрушки. Мы идеально подходим друг другу. Его кожа скользит по моему клитору снова, и снова, и снова.

Лола была права, когда иронизировала насчет моего секса с Анселем. Это действительно миссионерская поза, и зрительный контакт тоже присутствует, но это совсем не то, что она имела в виду. Я представить себе не могу, что могла бы

не смотреть на него, это все равно что пытаться заниматься сексом, не касаясь друг друга.

Наслаждение, словно вино, поднимается по моим ногам, превращаясь в румянец, который разливается по моим щекам и груди. Я боюсь, что это закончится, что я потеряю это ощущение, что я предвкушаю что-то, чего не бывает в природе. Но Ансель двигается все быстрее и сильнее, так сильно, что ему приходится держать меня за бедра, чтобы я не упала с кровати. Глаза его не отрываются от моих полуоткрытых задыхающихся губ и груди, которая подпрыгивает в такт его движениям. То, как он трахает меня, заставляет мое маленькое хрупкое тело испытывать такое наслаждение, какого я и представить в себе не могла.

Я хочу сказать ему, что схожу с ума, но не могу вымолвить ни слова, могу только кричать: *«Еще! Да! Да! Да! И да!»*

Капли пота падают с его лба на мою грудь и катятся вниз по шее. Он так старается, так сдерживается, он *ждет меня, ждет меня, ждет меня*. Мне нравится это выражение сосредоточенности и решительности на его лице, на его прекрасном лице, и я чувствую, что кончаю.

Я падаю, и через секунду по моему телу растекается тепло. Он видит, что это произошло. Смотрит на меня с облегченной улыбкой и торжеством в глазах. Оргазм обрушивается на меня с такой силой и мощью, что я больше не я. Я отчаянно прижимаю его к себе, стараюсь врасти в него, руками хватаю его за ягодицы, чтобы он вошел как можно глубже.

Я отчаянно извиваюсь под ним, умоляю, кусаю его за плечо, развожу ноги так широко, как только могу.

Моя страсть раззадоривает его. Я слышу, как простыни съезжают с матраса под нами и сбиваются за моей спиной, и он держится за них для устойчивости, двигаясь так сильно, что изголовье кровати бьется о стену.

– О, – стонет он, ускоряя ритм, и утыкается лицом в мою шею. – Сейчас, сейчас, сейчас.

И присасывается к моей шее, а плечи его содрогаются в сладкой муке, когда он наконец кончает. Я глажу руками его спину, чувствуя напряженные мышцы, провожу по позвоночнику, пока он все еще глубоко во мне. Изогнувшись, я прижимаюсь к нему, чтобы чувствовать его кожу на моей, чтобы мой пот смешался с его потом.

Ансель приподнимается на локтях и наваливается на меня, все еще пульсируя внутри, гладит ладонями мое лицо и волосы.

– Это слишком хорошо, – говорит он мне в губы. – Это так хорошо, *Сериз*.

Затем он просовывает руку между нами, чтобы снять презерватив, стаскивает его и кидает, не глядя, в мусорную корзину около прикроватной тумбочки, откидывается в изнеможении на постель рядом со мной, проводит левой рукой по лицу, а потом кладет ее на влажную от пота грудь, прямо под сердце. Я не могу не смотреть на золотой ободок кольца на его пальце. Его живот сжимается и расслабляется при каж-

дом вздохе и выдохе.

– Пожалуйста, Миа.

Я снова борюсь с искушением согласиться и выкрикиваю:

– Я не могу!

Он закрывает глаза, и сердце мое сжимается при мысли, что я больше не увижу его.

– А если бы мы не напились и не сошли с ума... если бы не поженились... ты бы поехала со мной во Францию? – спрашивает он. – Просто в путешествие?

– Не знаю.

Но на самом деле ответ другой: я бы могла. Мне пока не нужно уезжать в Бостон, я планировала сделать это, но только потому, что мне нужно освободить комнату в кампусе, а проводить лето в родительском доме я не хочу. А лето в Париже после окончания колледжа – это именно то, что *нужно* девушке моего возраста. С Анселем, в качестве любовника, может быть даже в качестве соседа, это было бы грандиозное приключение, потрясающая поездка. Совсем другое дело, чем если поехать к нему на лето в качестве его *жены*.

Он улыбается с легкой грустью и целует меня.

– Скажи мне что-нибудь по-французски. – Я слышала его французский уже тысячу раз, когда он бывает близок к оргазму, но это первый раз, когда я прошу его об этом сама, не зная, зачем и почему. Это кажется опасным: из-за его рта, голоса, его акцент похож на горячий шоколад.

– Ты знаешь французский? Хоть что-нибудь?

– Кроме «Сериз»?

Его глаза скользят по моим губам, и он улыбается.

– Кроме.

– Fromage. Château. Croissant⁵.

Он повторяет за мной «Croissant» с тихим смешком, и когда он его произносит, это слово звучит совершенно иначе. Не знаю, как должно оно звучать, но в его исполнении оно звучит так, что мне немедленно хочется снова затащить его на себя.

– Ладно, в таком случае я тебе скажу. *Je n'ai plus désiré une femme comme je te désire depuis longtemps. Ça n'est peut-être même jamais arrivé*⁶. – Он откидывается назад и наблюдает за моей реакцией, как будто это зашифрованное послание и я должна его разгадать. – *Est-ce totalement fou? Je m'en fiche*⁷.

Мой мозг не в состоянии перевести это, а вот тело, похоже, прекрасно понимает, что он сказал что-то очень личное.

– Могу я спросить кое-что?

Он кивает.

– Почему ты просто не хочешь аннулировать брак?

Он криво усмехается, в глазах его появляется лукавство.

– Потому что ты записала это в наши брачные клятвы. Мы оба обязуемся до осени не расторгать брака.

⁵ Сыр. Замок. Круассан (фр.).

⁶ Я уже давно не хотел ни одну женщину больше, чем тебя. Возможно, этого никогда бы не случилось (фр.).

⁷ Это полное безумие? Мне все равно (фр.).

Несколько долгих секунд я прихожу в себя от шока. Я умею быть убедительной и требовательной, тут не поспоришь.

– Но это же не настоящий брак, – шепчу я и делаю вид, что не вижу, как он слегка морщится в ответ. – Разве эта клятва имеет значение, если мы все равно собираемся нарушить все остальные, например, «пока смерть не разлучит нас»?

Он разворачивается и садится на край постели, спиной ко мне, ссутулясь и прижав руки ко лбу.

– Я не знаю. Я стараюсь не нарушать данных обещаний. Все это для меня очень странно и дико, пожалуйста, не думай, что я понимаю, что происходит и что нам делать дальше, только потому, что я уверен относительно одного конкретного пункта.

Я тоже сажусь рядом с ним и целую его в плечо:

– Мне кажется, я понарошку вышла замуж за по-настоящему хорошего парня.

Он смеется, а потом встает и уходит.

Я понимаю, что ему нужна дистанция, и чувствую слабый укол боли под ребрами, там, где сердце.

Вот и все.

Теперь мне нужно уйти.

Он одевается и стоит у двери в ванную, глядя, как я натягиваю одежду. Я надеваю трусики, и они все еще влажные от меня, от его губ, но только теперь они еще и холодные. Я бросаю их на пол, надеваю лифчик и платье прямо так и сую

ноги в шлепанцы.

Ансель молча протягивает мне телефон, и я забиваю свой номер. Когда я возвращаю его, мы стоим, словно ждем чего-то, не сводя глаз друг с друга.

Я тянусь за сумкой, вынимаю из нее жвачку, но Ансель быстро подходит ко мне и берет мое лицо в ладони.

– Не надо, – наклоняется он ко мне и присасывается к моим губам, что ему, похоже, очень нравится. – Ты сейчас на вкус как я. А я как ты. – Он облизывает мой язык, губы, зубы. – Мне так это нравится. Пусть так останется, хотя бы ненадолго.

Его губы медленно двигаются вниз по моей шее, он покусывает мои ключицы и опускается ниже, туда, где соски натягивают ткань платья. Он сосет и лижет их, втягивая в рот прямо вместе с тканью, пока она не становится влажной. Платье черное, поэтому никто не заметит этого, но я буду чувствовать прохладу его поцелуя даже после того, как выйду из комнаты.

Больше всего мне хочется снова лечь с ним в постель.

Но он стоит неподвижно и внимательно изучает мое лицо:

– Веди себя хорошо, *Сериз*.

До меня только сейчас доходит, что мы же женаты и я, значит, буду изменять мужу, если в это лето окажусь в постели с другим мужчиной. А мысль о том, что какая-то другая женщина может получить его в свое распоряжение, заставляет мой желудок болезненно сжаться. Мне очень не нравится эта

мысль, и я вглядываюсь в его лицо, чтобы понять, чувствует ли он то же самое.

– И ты, – говорю я ему.

Глава 6

ТЕПЕРЬ Я ТОЧНО ЗНАЮ, что означает выражение «дрожат колени», потому что с трудом могу поползти до машины, ноги меня не слушаются. У меня было трое мужчин до Анселя, но даже с Люком секс никогда не был таким. Таким страстным, и открытым, и честным, что даже сейчас, когда Анселя нет рядом и страсть утолена, я понимаю: я позволила бы ему делать со мной что угодно.

Я так хотела бы все-таки запомнить нашу ночь в Вегасе более отчетливо. В нашем распоряжении было несколько часов, а не эти сегодняшние жалкие несколько минут. И я почему-то знаю, что мы были еще более свободны, честны и откровенны друг с другом, чем *сегодня*.

Дверца моей машины захлопывается с громким звуком, который эхом прокатывается по пустой улице. Окна в доме не горят, но еще слишком рано, чтобы домашние разошлись по своим постелям. Учитывая теплую летнюю погоду, можно предположить, что они скорее всего ужинают за домом.

Но зайдя внутрь, я ничего не слышу. Дом пустой и темный, никого нет ни в гостиной, ни в столовой, ни на кухне. И дворик пуст, и все комнаты наверху. Босыми ногами я шлепаю по испанской плитке в ванной – это единственный звук, который нарушает покой дома, и он стихает, когда я ступаю на мягкий ковер в холле. Зачем-то я заглядываю во все ком-

наты... и везде никого. За годы, пока я училась в колледже, и после того, как я перевезла свои вещи обратно в свою старую спальню несколько дней назад, я никогда не бывала в этом доме одна, и осознание этого будто ударяет меня током. Всегда в доме кто-то был вместе со мной: мама, отец, кто-то из братьев. Так *странно*. И теперь меня оставили в покое. Это похоже на отсрочку. И эта свобода проходит сквозь меня, как электрический ток.

Я же могу уехать, не сталкиваясь с отцом.

Могу уехать и никому ничего не объяснять.

Меня обжигает уверенность, что именно этого я и хочу.

Я мчусь в свою комнату, нахожу паспорт, стаскиваю с себя платье и быстро надеваю чистую одежду, а потом торопливо вытаскиваю самую большую сумку из кладовки. Кидаю в нее все, что могу найти в шкафу, потом сметаю с полочки в ванной всю свою косметику в походную косметичку. Тяжелая сумка прыгает у меня за спиной и чувствительно ударяет, когда я несусь вниз по лестнице и пишу записку родителям. Ложь лезет из всех щелей, и я старательно подбираю слова, чтобы не сказать слишком много и не выглядеть слишком безумной.

«У меня появилась возможность поехать во Францию на пару недель! Билет бесплатный. Я еду с подругой отца Харлоу, она владеет собственным маленьким бизнесом. Все расскажу позже, но со мной все в порядке. Позвоню.

Люблю вас.

Миа».

Я никогда раньше не врала своей семье, да и никому не врала, но сейчас меня это совершенно не беспокоит. Сейчас у меня в голове одна-единственная мысль – если я не уеду сейчас во Францию, мне придется остаться здесь еще на несколько недель. И эта мысль приводит меня в состояние паники. Остаться здесь – значит снова жить в темном облаке постоянного проклятого отцовского контроля. А потом отправиться в Бостон и начать там новую жизнь, которую я не очень-то и хочу.

А еще это значит никогда больше не увидеть Анселя.

Я смотрю на часы: до самолета остается всего сорок пять минут.

Зашвырнув вещи в багажник, я захлопываю его и бегу к водительскому сиденью, набирая на ходу сообщение Харлоу: «Что бы ни спрашивал тебя мой отец про Францию, на все отвечай “да”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.